

ИСТИНА О И В АУДИТОРНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Модель Бернара Манена о политическом информационном взаимодействии в высокоразвитых демократиях¹

1. ВЫСОКОРАЗВИТАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ПОЧЕМУ ПОЛИТИКА ДЕСТАБИЛИЗИРУЕТ ОБЩЕСТВО?

Мы считаем само собой разумеющимся, что высокоразвитые демократии, возникшие в конце восемнадцатого — начале девятнадцатого столетий, разрешили основные проблемы анархии и автократии. Создается впечатление, что с их появлением все негативное наследие до-демократических режимов сошло на нет. Высокоразвитая демократия может не вполне соответствовать высшим стандартам политической философии, но тем не менее она реально существует. Её отличают упорство и жизнестойкость, основанные на соблюдении прав граждан и государственных институтов, что выражается в верховенстве закона и стиле руководства, умеющем смягчить переход к новым обстоятельствам путем интеграции устремлений тех, кто победил и тех, кто потерпел поражение. Предполагается, что высокоразвитые демократии охраняют и поддерживают стабильность как во внутренней, так и во внешней политике, в то время как страны, находящиеся в процессе перехода к демократии, представляют собой потенциальную угрозу стабильности².

Однако создается впечатление, что западные правительства, базирующиеся на переменчивом электоральном большинстве, сегодня становят-

1. Доклад, прочитанный на заседании цюрихского семинара по политологии и информационному взаимодействию 22 мая 2006 г.
2. Snyder J. From Voting to Violence. New York: Norton, 2000; Mansfield Ed., Snyder J. Electing to Fight. Cambridge: MIT Press, 2005.

ся объектом внутренней *дестабилизации*. Они стремятся ускорить распад демократических режимов гуманитарными вторжениями (оккупация отсталых стран солдатами и гражданскими экспертами по государственному развитию). Они способствуют постепенному распространению как международных (свободная торговля), так и внутренних рынков (отмена регулирования, приватизация, налоговая реформа, методы управления бизнесом в государственном секторе). Желая улучшить национальную конкурентоспособность, они вовлекаются в перманентное реформирование социальной политики и производственных отношений. Они полагаются в основном на неиерархические модели юрисдикции, а также на контроль, осуществляемый их делегациями (управление). Они замещают однонаправленные действия и изоляционизм сочетанием интенсивного сотрудничества и конкуренции между государствами и государственными альянсами. Они являются приверженцами более или менее сложных, но прямолинейных процедур, направленных на решение правовых и административных задач, таких, как информационная открытость и выплата компенсаций тем, кто утверждают, что стали жертвами государственной политики. Они способствуют формированию резонансной государственной сферы, которая характеризуется возможностью широкого и независимого освещения событий в СМИ. Они восхваляют стимулирование потребительского интереса, основанного на личном выборе, и другие типы индивидуализации в пределах ограничений, задаваемых уголовным правом и правилами приличия. И они пытаются примириться с темными эпизодами аморальных государственных действий и давними национальными травмами (публичные извинения, памятники, возмещения).

Однако представляется, что сами мероприятия по восстановлению и обновлению социального баланса и стимулированию политического развития служат причиной роста социальных угроз и снижения благополучия, что влечёт за собой риск развала государственности, дефицита демократии и развития социальной отчужденности. Экспансивная международная политика, новые рынки, государственные реформы, международные агентства, публичные дебаты, активные общественные ассоциации и СМИ, индивидуализация (как показная, так и сугубо потребительская) и участливое отношение к жертвам государственной политики имеют много достоинств, но спокойная жизнь и комфорт — не в их числе³.

Из этого очевидно следует, что с 1989 по 2001 гг. аналитическая работа политиков и политическая пропаганда, исходящая с Запада, из стран с высокоразвитой демократией, является *не вполне ясной* по самой своей сути. В настоящее время я пишу об этом книгу. В неё входят следующие главы:

3. Это общий вывод из утверждения Сулеймана о много- и двухпартийных политических нападениях на функциональные государственные службы под лозунгом борьбы с бюрократией. См.: Suleiman E. Dismantling Democratic States. Princeton: University Press, 2003.

1. циклическая (квазитеологическая и квазимедицинская) концепция политического кризиса 1930-х, 1970-х и 1990-х гг. (**переход от политического испуга к политике запугивания**).
2. всеобщая вера в устойчивость высокоразвитых демократий: коррекция посредством элитарности/минимализма (Шумпетер); плюрализма/эгалитаризма (Дал) или консосоциализма/совещательного ассоциационизма (Лиджфарт).
3. наблюдаемое падение популярности традиционного тезиса о прimate протестных заявлений в высокоразвитых демократиях: минимизация деловой активности окупается приобретением политического влияния, увеличением выгод от прав частных лиц, компенсацией властных полномочий посредством тирании, благополучием (выборная аристократия), мирным сосуществованием (взаимным приспособлением новой и старой элит) и национальной идентичностью.
4. модель нового режима представительной демократии Манена в период заката массовых партий: основные черты аудиторной демократии (*démocratie du public*), основные условия её нормализации и мой собственный взгляд на условия успеха традиционных партий и новых партийных формаций, а также на политические отношения в странах, сочувствующих демократии.
5. перспективы и пределы аудиторной демократии в решении важнейших вопросов современности: интеграция иммигрантов, объединение Европы, реформа государственной политики, война с волюнтаризмом и резонерством, минувшие политические действия, партия модернизации и скандальные судебные разбирательства (в Америке — Клинтон и Шварцнеггер, в Европе — Блэр и Берлускони).
6. полномочия сбалансированной аудиторной демократии с точки зрения демократической этики и государственной философии, в особенности в области поиска справедливости в партийной политике и использовании государственной власти.
7. информирующая и представительная роль философов и специалистов в области политических наук в треугольнике аудиторной демократии (лидеры, журналисты, граждане).

В этом докладе я сосредоточусь на вопросах, входящих в сферу компетенции политологии и теории информационных взаимодействий, а также обращу внимание на некоторые как стандартные, так и новаторские взгляды на эволюцию понятия демократия.

Предмет нашего общего исследовательского интереса может быть обозначен следующим образом. Какое влияние оказывают журналисты и средства массовой информации на политиков и партии? Какое влияние оказывают политики и партии на журналистов и средства массовой информации? Какое влияние оказывают журналисты и средства массовой информации на граждан — как вместе (семья, соседи), так и по отдельности? Какое влияние граждане — как вместе, так и по отдельности — оказывают на журналистов и средства

массовой информации? Может быть, у нас нет солидного запаса эмпирических исследований в области этих отношений и взаимодействий⁴. Однако мы все согласны в том, что прежние взгляды на взаимодействие между политиками и гражданами, в соответствии с которыми журналисты и средства массовой информации не играют существенной роли, в настоящее время представляют только музейный интерес. Вклад СМИ и журналистов в то, какой выбор сделать, какой спектр возможностей имеется, как осуществляется процедура принятия решений и какой будет культура принятия решений избранных политиков и электората — является актуальнейшей областью исследований.

2. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД

Сохранится ли либеральная представительная демократия с партийными политиками и профессиональной прессой, регулируемая малой долей коллективного участия людей в различных акциях (протесты, референдумы, общественные инициативы) и группами, оказывающими непосредственное воздействие на граждан (лоббирование, корпоративные переговоры, всенародные опросы)? Если да, то благодаря каким механизмам поддержки она может сохраниться?

До сегодняшнего дня в спорах такого рода доминировали оптимисты, верящие в рост пост-, транс- и надгосударственной гражданской позиции (демократический космополитизм) и пессимисты, предрекающие закат национальной демократии. Некоторые оптимисты говорят о тенденции демократизации высших эшелонов политической власти и администрации. Другие обращают внимание на появление действительно новых (не феодальных) международных демократических практик, таких, как сети правительственных и неправительственных организаций⁵. Некоторые песси-

мисты утверждают, что в национальных государствах наблюдается дефицит демократии, связанный с ослаблением профсоюзов и общественных движений, и что в корпорации, политические партии и средства массовой информации проникла плутократия. Другие пессимисты утверждают, что в таких государствах существует демократический профицит, связанный с угасанием светской власти в обществах с образованным средним и рабочим классами, стремительным ростом количества региональных выразителей недовольства, всеохватностью телевидения и увеличением числа процедур прямого демократического действия (таких, как право отзыва)⁶.

Я полагаю, что прорыв в этих дебатах был совершён теми исследователями, которые привнесли в них представление о трансформации, противопоставив его кумулятивному (экспансивному) или флуктуационному (циклическому) [развитию демократии]⁷. Когда, где и как старые модели представительства и участия в демократических обществах превращаются в новые? На мой взгляд, в настоящий момент в конституционной демократии происходит переход от локальных уложений — через национальные уложения — к новым уложениям, и сейчас этот процесс по-прежнему остается не совсем понятным и только частично поддается контролю⁸.

Например, Филипп Боббит предлагает свою концепцию рыночного государства. Этот тип демократии отличается появлением международных рынков капитала, независимых органов надзора, мультинациональных корпораций, играющих роль своеобразных квази-правительств, а также форм дискуссии и способов вынесения решений непосредственно теми или иными заинтересованными группами; и общественное мнение ухватилось за идею равных возможностей, личной ответственности и конкуренции в рамках меритократической справедливости, а также за общий контроль базовых коллективных рисков (коллапс инфраструктуры, эпидемические болезни, истощение природных ресурсов)⁹. Такая характеристика новых поли-

4. Lichtenberg J. (Ed). *Democracy and the Mass Media*. Cambridge: University Press, 1990; Fallows J. *Breaking the News*. New York: Pantheon, 1996; McChesney R. *Rich Media, Poor Democracy*. Urbana: University of Illinois Press, 1999; Bennett L., Entman R. (Eds). *Mediated Politics*. Cambridge: University Press, 2000; Gunther R., Mughan A. (Eds). *Democracy and the Media*. Cambridge: University Press, 2000; McNair B. *Journalism and Democracy* (2000). Third Ed. London: Routledge, 2003; Norris P. A *Virtuous Circle*. Cambridge: University Press, 2000; Street J. *Mass Media, Politics, and Democracy*. Basingstoke: Palgrave, 2001; Baker Ed. *Media, Markets, and Democracy*. Cambridge: University Press, 2002; Wilensky H. *Rich Democracies*. Berkeley: University of California Press, 2002; Alterman E. *What Liberal Media?* New York: Basic Books, 2003; Gans H. *Democracy and the News*. Oxford: University Press, 2003; Hallin D., Mancini P. *Comparing Media Systems*. Cambridge: University Press, 2004; Wolfsfeld G. *Media and the Path to Peace*. Cambridge: University Press, 2004; Mindich D. *Tuned Out*. Oxford: University Press, 2004.
5. К оптимистам первого рода относятся следующие авторы: Held D. *Democracy and the Global Order*. Cambridge: Polity Press, 1995 и Höffe O. *Demokratie im Zeitalter der Globalisierung*. München: C. H. Beck, 1999. Оптимисты второго рода более многочисленны и включают следующих авторов: Beck U. *Die Erfindung des Politischen*. Frankfurt: Suhrkamp, 1993; Touraine A. *Qu'est-ce que la démocratie?* Paris: Fayard, 1994; Dryzek J. *Deliberative Democracy and Beyond*. Oxford: University Press, 2002;

- Keane J. *Global Civil Society?* Cambridge: University Press, 2004 и Slaughter A.-M. *A New World Order*. Princeton: University Press, 2004.
6. Пессимистов первого рода больше, чем второго. К ним относятся следующие авторы: Mazower M. *Dark Continent*. London: Penguin, 1999; Dunn J. *The Cunning of Unreason*. London: Harper Collins, 2000; Hobsbawm E. *The New Century*. London: Little Brown, 2000 и Leys C. *Market Driven Politics*. London: Verso, 2003. В число пессимистов второго рода входят: Fiorina M. *Parties, Participation, and Representation in America* // Katznelson I., Milner H. (eds.). *Political Science*. New York: Norton, 2002. P. 511–541; Zakaria F. *The Future of Freedom* New York: Norton, 2003. P. 161–238 и Dalton R. *Democratic Challenges, Democratic Options*. Oxford: University Press, 2004. P. 128–54.
7. Boudon R. *La logique du social*. Paris: Hachette, 1979. Ср. с: Elster J. *Explaining Technical Change*. Cambridge: University Press, 1983; Он же. *Nuts and Bolts in the Social Sciences*. Cambridge: University Press, 1989; Runciman W. *Substantive Social Theory*. Cambridge: University Press, 1989 и Pierson P. *Politics in Time*. Princeton: University Press, 2004.
8. Dahl R. *Democracy and its Critics*. New Haven: Yale University Press, 1989. P. 311–341 и Он же. *On Democracy*. New Haven: Yale University Press, 1998. P. 180–188.
9. Bobbitt Ph. *The Shield of Achilles*. New York: Knopf, 2002. P. 213–242. См. также: Bobbitt Ph. *Better than Empire* // *Financial Times*. Saturday. 2004. 13 March.

тических условий является весьма несовершенной. Очень многое зависит от конкретных обстоятельств, таких, как условия борьбы, уверенность, приверженность традициям, взаимное недоверие или, наоборот, избыточная привязанность, баланс между непониманием и стремлением изменить сложившиеся обстоятельства, понимание истории и, наконец, удача¹⁰.

Предметом недавнего классического произведения Бернара Манена «Принципы представительного правления» (1995, 1997) является широкая трансформация прямой демократии, предусматривающей случайность политического выбора, в представительную демократию национальных государств. Отмечу в скобках, что в книге также рассматривается не столь масштабный переход от парламентаризма XIX в. к аудиторной демократии посредством формирования в течение многих десятилетий двадцатого столетия партийной демократии. Модель аудиторной демократии проста и лаконична¹¹. Кроме того, она самобытна и полезна как альтернативная модель политической жизни и общественных отношений в современных западных странах. Манен не пишет о непрекращающемся процветании или фундаментальном коллапсе высокоразвитой демократии. Это идёт вразрез с общепринятой точкой зрения. Многие исследователи прогнозируют конец представительности, что выражается в появлении партийных картелей и онлайн-журналов. Или предсказывают окончательное воцарение представительности в виде сети глобального правления и коммерческих новостных коммуникаций. Манен прилагает немалые усилия к тому, чтобы избежать преждевременного пессимизма или оптимизма. Особые факторы способствовали заката партийной демократии и развитию новых режимов, включая интенсивные капиталистические модели политической мобилизации (так называемые третицичные ассоциации), масштабные действия, направленные на привлечение внимания (непрекращающиеся и всеохватные телевизионные трансляции) и увеличение масштаба принятия политических решений в государственной политике (как в случае европейской интеграции). Я согласен с Маненом в том, что исследователи должны в первую очередь изучить логику, сбалансированность и динамику аудиторной демократии — если таковые действительно имеются — и только после этого давать ей оценку с точки зрения стандартов политического руководства, большой журналистики и добросовестной гражданской позиции в каком-либо достаточно совершенном демократическом обществе (либеральном, коммунистическом или республиканском).

3. АУДИТОРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: РАЗНОГЛАСИЯ

Позвольте мне резюмировать идею Манена в виде достаточно краткого набора гипотез. Во-первых, выборы тех, кто правит, представляют собой

взаимодействие между честными избирателями, обращающими внимание на личные качества кандидатов (опыт, решительность, внешний вид и число заслуг как в политике и организационной работе, так и в личной жизни) и кандидатами, которые транслируют качества своей благонадежности в общественную сферу, используя услуги информационных экспертов. Это сводится к *персонализации поддержки* в политике.

Во-вторых, относительная независимость политиков от пожеланий и требований электората складывается из в высшей степени неясных, нацеленных на поддержание имиджа, обещаний политиков во время избирательной кампании: политические заявления, обязательства, концепции, вырабатываемые аналитическими центрами, и автобиографии, перенасыщенные партийными принципами, партийными манифестами и упоминаниями о простых людях. Это признак *ослабления полномочий* и, быть может, политического соглашения и общественного договора.

В-третьих, свобода народного мнения — всех тех, которыми управляют, — выражается исключительно через владельцев средств массовой информации и профессиональных журналистов, которые, как правило, активны, финансово заинтересованы (в желании максимизировать своё присутствие на рынке СМИ) и независимы от государства и политической партийной системы. Иллюстрацией такой свободы является частота, с которой проводятся опросы мнений. Этот основанный на средствах массовой информации подход, включающий интерпретацию и оценку вклада политики и общественного мнения в жизнь обычных людей, их ментальность и набор интересов, которые в широком смысле налагают на поведение политиков определенные ограничения и снабжают их особыми побудительными мотивами, нацеленными на обретение политических выгод для народа (или какой-то его части) путем политических поощрений и контроля за тем, насколько хорошо принимаются те или иные политические предложения. Это признак *укрепляющейся и все более дифференцирующейся гласности, медийного критицизма и неустанного надзора за правительством со стороны других социальных сил в публичной сфере*.

И последнее. Испытание дискуссией сопровождается непрерывными дебатами в средствах массовой информации. Там политики встречаются с достаточно напористыми журналистами, экспертами, простыми гражданами и другими представителями народа: лидерами заинтересованных групп, политических движений, волонтерских объединений и неправительственных организаций. Аудитория, которая смотрит, слушает, читает и говорит [об этих дебатах] представляет собой растущий сегмент неоднородного и переменчивого сообщества избирателей, которые «хорошо информированы, интересуются политикой и при этом неплохо образованы»¹². Это признак *непрекращающейся горизонтальной предвыборной кампании, иницируемой как самой властью, так и теми, кто ей противостоит*. Непрекращающейся, поскольку правящие, равно как и оппозиционные партии,

10. Vinen R. A History of Fragments. London: Little Brown, 2000. P. 602–639.

11. Manin B. Principes du gouvernement représentatif. Paris: Calmann-Lévy, 1995 и Он же. The Principles of Representative Government. Cambridge: University Press, 1997. Об аудиторной демократии говорится в финальной главе и в заключении (P. 247–308 — во французском издании, P. 193–238 — в английском).

12. Manin B. The Principles of Representative Government... P. 232.

продолжают вести свою (весьма затратную) агитационную работу и после выборов. Горизонтальной, поскольку ни одна из властей не способна занять доминирующее, привилегированное положение в медийном дискурсе.

В аудиторной демократии граждане мыслят ретроспективно, в то время как (и именно поэтому) лидеры, наоборот, мыслят перспективно. Граждане определяются со своим выбором, оглаживаясь на прошлые политические действия лидеров по прошествии минувших выборов, в то время как лидеры борются за голоса разочарованных избирателей в преддверии следующих (в случае провала предлагаемой раньше политики)¹³.

Предпочтения граждан и их совокупные требования, сводящиеся ко всеобщему благополучию, не даны в явном виде. Они являются следствием взаимных обсуждений и стратегических устремлений инициативных политиков, которые артикулируют категории общественного выбора. Поскольку аналогия между политической и рыночной конкуренцией оказалась не слишком удачной, Манен предлагает заменить рыночную метафору демократической элитарности Шумпетера метафорой театра. Политические представители являются актерами (если воспринимать это как перформанс), а различные группы населения — зрителями¹⁴.

Эти научные разногласия по поводу аудиторной демократии представляются непреодолимыми¹⁵. Одни наблюдатели утверждают, что политики и представители правительственных структур манипулируют избирателями и потребителями государственной политики, в то время как журналисты и владельцы средств массовой информации устанавливают повестку дня для правительства и определяют его партийный состав (созданием положительного или отрицательного имиджа того или иного политика), а граждане пассивны и циничны. Современная политика в странах с высокоразвитой демократией становится пространством острой конфронтации и политического резонанса (*decisionism*). Другие находят, что политики и представители правительственных структур потакают ходовым предпочтениям электората (поддерживая популярные политические действия, которые, как они полагают, противоречат интересам людей и страны), в то время как журна-

листы и владельцы средств массовой информации компенсируют это разъяснениями, давая гражданам возможность быть критично настроенными. Поэтому современная политика — это, скорее, пространство для выстраивания пропорционального консенсуса и политического популизма. Нехватка твердо установленных технических категорий довольно показательна: медиакратия, управленческий спектакль, мобократия, демократическая драма, демократия высмеивания. Зона ответственности аудиторной демократии множится по всем направлениям и часто становится местом поучения и противостояния¹⁶.

Один из очевидных способов улучшить ситуацию — это внимательно изучить эмпирические данные. В 1997 г. Энтони Кинг подтвердил американскую тенденцию перманентной предвыборной кампании, осуществляемой демократами и республиканцами, что является четвертым отличительным признаком модели Манена¹⁷. Но в 2002 г. Кинг возглавил команду исследователей, которые проанализировали личностный характер информационной поддержки в Канаде, Франции, Германии, Великобритании, России и США (первый признак Манена). Кинг согласен с тем, что избиратели могут любить или не любить кандидатов, и что они формируют общую оценку политика, исходя из эмоциональных предпочтений. Однако он сомневается в том, что общая оценка избирателей существенным образом влияет на то, как они голосуют на самом деле, равно как на сам итог выборов (и относительные выгоды и потери отдельных кандидатов). Команда Кинга использовала контрафактивный способ суждения. Она сравнивала реальные итоги каждых выборов с тем, какими были бы эти итоги, если бы лидеры и кандидаты от главных партий участвовали в выборах «с чистого листа», без подробного освещения их личности и персональных данных. Центральным тезисом новой книги Кинга является следующее утверждение: «Осмелюсь предположить, что ситуация, когда личные качества лидеров и кандидатов и прочие их индивидуальные особенности определяют исход голосования, является весьма необычной — не редкой, но необычной. Другими словами, если оценки (...) корректны, почти всеобщая вера в то, что личные качества лидеров и кандидатов практически всегда являются крайне важным фактором, влияющим на исход выборов, просто ошибочна. Личные характеристики лидеров и кандидатов обычно имеют какое-то значение — конечно, это так — однако совсем не такое большое, как это обычно предполагают»¹⁸.

13. См.: Fiorina M. *Retrospective Voting in American National Elections*. New Haven: Yale University Press, 1981; Przeworski A., Stokes S., Manin B. (Eds). *Democracy, Accountability and Representation*. Cambridge: University Press, 1999; Mansbridge J. *Rethinking Representation* // *American Political Science Review*. 2003. № 97. 4. P. 516–520 (о заблаговременных заявлениях).

14. Manin B. *The Principles of Representative Government...* P. 226. Недостаточная точность аналогии между автономными пользователями и гетерономными избирателями не умаляет заслуг книги Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия» (1942). Его эволюционные или «австрийские» взгляды на конкуренцию не нуждаются в суверенитете, независимости, рациональности и аутентичности восприятия со стороны обычных потребителей (в то время как неоклассический подход испытывает в этом острую потребность). В этом смысле теория демократии как рационального выбора (Даунс, Ордешук, Райкер, Роумер и Шенсел) существенным образом отличается от подхода Шумпетера.

15. См., например: Manza J., Lomax Cook F., Page B. (Eds). *Navigating Public Opinion*. Oxford: University Press, 2002.

16. Phillips K. *Mediacracy*. New York: Doubleday, 1975; Schwartzberg R.-G. L' état spectacle. Paris: Flammarion, 1977; Meyer Th. *Mediokratie*. Frankfurt: Suhrkamp, 2001; Robinson M. *Mobocracy*. Roseville: Prima Publishing, 2002; Elchardus M. *De drama democratie*. Tiel: Lannoo, 2002; van Zoonen L. *Imagining the Fan Democracy* // *European Journal of Communication*. 2004. № 19, 1. P. 39–52.

17. King A. *Running Scared*. New York: Free Press, 1997. В другом месте Кинг рассуждает о тяге Соединенных Штатов к политической исключительности: Он же. *Distrust of Government* // Pharr S., Putnam R. (Eds). *Disaffected Democracies*. Princeton: University Press, 2000. P. 74–98.

18. King A. *Conclusions and Implications* // King A. (Ed). *Leaders' Personalities and the Outcomes of Democratic Elections*. Oxford: University Press, 2002. P. 216.

В другом месте Кинг пишет, что «большое количество политических консультантов и имиджмейкеров, особенно тех, кто работает на государственном уровне, тратят своё собственное время и деньги своих нанимателей. Это означает — и это важно — что выбирая лидеров и кандидатов политические партии должны спрашивать себя не о том, как он или она будут приняты электоратом, а о том как электорат примет политические действия выбираемого лица и его общие политические взгляды»¹⁹.

Кинг допускает, что личностный характер поддержки на некоторых выборах может играть ключевую роль. Влияние этого фактора будет выше, если значительное число избирателей понимает разницу между политиками как личностями (иногда искажённо — в пользу отдельного избираемого лица), если выборы носят чрезвычайно закрытый характер, если отсутствует эмоциональная привязанность к партии и /или если многие избиратели не видят большой разницы между главными тезисами избирательных программ (персонализация как тай-брейк). Последняя ситуация относится ко второму признаку Манена — расплывчатость партийных манифестов²⁰.

Это предполагает применение совсем другого исследовательского подхода для изучения истинного смысла аудиторной демократии как изолированной политической системы и общей теории представительной демократии (во всем составе согласующихся друг с другом гипотез). С одной стороны, я хотел бы развить метафору театра гораздо шире, чем это предлагал сделать Манен: «Это выражает не что иное, как идею разграничения и малой связанности между теми, кто определяет условия выборов и теми, кто действительно выбирает. Это было всегда и остается по сей день»²¹. Я хотел бы сравнить политических лидеров с режиссерами, партии — с кастингом предполагаемых политических актеров, журналистов — с авторами театральных рецензий, избирателей — со зрителями и т. д. (государственную политику —

со сценарием; начало работы законодательных органов — с открытием театрального сезона). Это является одновременно идеализацией некоторых особенностей политики (таких, как стиль) и обобщением, отличающим её от всего остального, например, от идеологии²². Безусловно, я понимаю, что метафора может показаться недостоверной. Например, специалисты в области наук о человеческом поведении проводят строгое различие между физическим контактом актеров и зрительской аудиторией в театре и виртуальным контактом политиков с телезрителями в частной квартире²³.

С другой стороны, я собираюсь использовать метафору политического театра, скорее, как игровой, чем драматический способ изучения реальных политических действий в современном мире — как с точки зрения дискурсивного (речи, статьи, дебаты и т. д.), так и не дискурсивного (переговоры, голосование, принятие политических решений и т. д.) поведения.

Если мы принимаем теорию аудиторной демократии Манена в качестве исследовательской программы (от метафоры к модели, от модели — к проверке гипотез) и если мы дополняем эту теорию комплексом гипотез, учитывающих журналистику и средства массовой информации, то отсюда следуют четыре важных предварительных вывода. Во всяком случае, лично я настаиваю именно на этом.

Во-первых, общее предположение о том, что политические партии склонны к проведению кампаний, кажется вполне достоверной. Партии, проводящие кампании, продолжают бороться за свой электорат на всех стадиях политического процесса, а не только во время конкурентной борьбы на выборах. Во время проведения кампаний они мобилизуют свои структуры поддержки, вносят организованность в свои ряды, активизируют работу парламента и осуществляют государственную политику (если это партии власти). Хрестоматийными примерами являются партия «Вперед Италия», партия лейбористов со времен нового лейбористского движения, республиканская партия Буша и Роува и, возможно, также недолговечная партия Пима Фортейна.

Во-вторых, общее предположение о том, что избиратели являются всего лишь простыми зрителями, менее перспективно. Избиратели не должны трактоваться как пассивные потребители / клиенты (лежебоки), равно как активные граждане в классическом республиканском смысле. Они должны рассматриваться как постоянные наблюдатели, которые вовлечены в практику дискретных действий, которые не являются членами вторичных объединений (партий и т. д.), и активны либо в распространении информации СМИ (простодушные разговоры с соседями), либо в осуществлении протестных акций. Небольшая часть граждан участвует в информационном монито-

19. Ibid. P. 220.

20. Ibid. P. 40–43, 217–218. Кинг также разъясняет теоретические доводы против персонализации: по понятным причинам большинство политиков представляет себя через личные утверждения, большинство избирателей имеют путанные представления о политиках, как личностях, и только некоторые политики вызывают либо всеобщую любовь, либо всеобщую ненависть (P. 12–13). Контрафактивное суждение Кинга («Личностные качества политика (А) обуславливают его победу на выборах (В) означает, что если нет „А“, то не будет и «В»») не вполне убедительно. Он не принимает в расчёт, что контрафактивное утверждение может быть истинным (какой-нибудь случайный фактор «С», скажем, экономический кризис, является удовлетворительным условием для некоего «А», являющегося ярким представителем какой-то партии, и необходимым условием для некоего «В», благодаря которому его партия победит, а партия соперника — проигрывает). Здесь могут возникать вторичные эффекты. Кинг не рассматривает случаи, когда контрафактивное суждение может оказаться ложным («С» приводит к тому, что «В» побеждает, а «А» — проигрывает) однако в целом его логика верна, это так называемая упреждающая каузальность. Как говорил Элстер: «В общем, любая попытка определить причинно-следственное утверждение посредством контрафактивной логики приводит к тому, что мы ставим телегу перед лошадью» (Elster J. Explaining Technical Change... P. 34).

21. Manin B. The Principles of Representative Government... P. 226.

22. Edelman M. Constructing the Political Spectacle. Chicago: University Press, 1988; Balandier G. Le pouvoir sur scènes. Paris: Balland, 1992. P. 107–167; Witteveen W. Het theater van de politiek. Amsterdam: Amber, 1992; Hariman R. Political Style. Chicago: University Press, 1995; Henk te Velde. Het theater van de politiek. Amsterdam: Wereldbibliotheek, 2003 (торжественная лекция).

23. Graber D. Processing Politics. Chicago: University Press, 2001.

ринге и в определенной мере влияет на политическое управление выборами в целом. Но другая — большая часть также причастна к политической системе в более широком смысле (голосование во время референдумов, участие в уличных демонстрациях и т. д.). Нам нужно определить характер различных электоральных сопоставлений (активные граждане, пассивные граждане, граждане, участвующие в мониторинге, граждане, выражающие своё мнение явно или косвенно)²⁴.

В-третьих, общее предположение о том, что журналисты являются своеобразными рецензентами — ахиллесова пята теории Манена как исследовательской программы. Здесь мы нуждаемся в тесном сотрудничестве между политологами и специалистами в области теории информационных взаимодействий.

Наконец, системная перспектива аудиторной демократии — это фокусирование на общих структурах, институциях и функциях (не на людях и отдельных действиях людей). Она определяет роль как старых, так и новых партий, а также новостей СМИ в процессе формирования правительства и освещения новостей соответственно. Она предлагает политологам рассуждать об имманентном консерватизме интерактивного консенсуса («органический консенсус»), трениях в процессе формирования условий такого консенсуса (легитимность) и потребности в реформе государственного сектора. А специалистам в области социальных взаимодействий она предлагает рассуждать о стремлении к открытости или о «процессах выработки легитимности» в политике и государственной администрации.

4. ПОЛИТИКИ КАК АКТЕРЫ (И ЛИДЕРЫ КАК РЕЖИССЕРЫ)

Мнение, согласно которому современные политики являются актерами, включает в себя набор гипотез. Во всех этих гипотезах предполагается, что политики стремятся контролировать своё влияние на других политиков, на различные структуры поддержки, на электорат и публичную сферу в широком смысле этого слова (народные объединения, средства массовой информации и общественное мнение в гражданском обществе). Сначала я сформулирую эти гипотезы, а затем проверю их на прочность. Строгое тестирование нуждается в сравнительных категориях (политики, журналисты и избиратели в аудиторной демократии в период *x* сравниваются с актерами или актерскими типами в партийной демократии в период *y* в каком-то числе стран). Мои рассуждения не всегда являются сравнительными, но, к счастью, они достаточно хорошо подтверждают эвристическую ценность модели Манена.

24. Bernard Manin. Challenges Facing Representative Government at the Beginning of the 21st Century. Paper for the Groningen conference on audience democracy, 1 July, University of Groningen: Department of History. Здесь Манен ссылается на книгу: Norris P. Democratic Phoenix. Cambridge: University press, 2002. Я предлагаю инкорпорировать модель гражданина Шадсона в модель Манена. См.: Schudson M. The Good Citizen. New York: Free Press, 1995. P. 311.

Гипотеза П₀ (политики, отсчёт от нуля): Политические лидеры (партийные лидеры, парламентские лидеры, лидеры правительства) стремятся видеть себя и представлять себя другим в качестве независимых и самостоятельных — они обязаны так делать, скорее, из-за ограничений и побудительных мотивов самой системы, чем из-за желания подчинить себе пайщиков корпораций и других мощных и влиятельных представителей либеральной рыночной демократии (нация, церковь, партия, пресса, сообщество историков и т. д.). Резюмируя: сегодня политические лидеры *отрицают* какую-либо *высшую* власть над политикой или *вторичную* роль самой политики²⁵.

Гипотеза П₁: Граждане, обладающие ораторскими способностями и притягательностью (аурой), когда их показывают по телевизору, получают преимущественный доступ к национальной системе представительства; после регистрации они окажутся победителями; и сохранят отношения соперничества с остальными влиятельными политиками после выборов. Граждане, не обладающие такими качествами, не достигнут политического успеха. Резюмируя: политики, не обладающие *аурой* в общественной сфере (особенно в том, что касается телевизионных трансляций) и *навыками публичного действия*, проиграют в ходе короткой предвыборной гонки и будут исключены из длительной межвыборной гонки²⁶.

Гипотеза П₂: Новые поколения политиков больше не будут пополняться представителями старых профессий (армия, гражданские службы, юристы, экономисты, газетные журналисты), а начнут формироваться из новых профессий, относящихся к экономике услуг, особенно теле- и кинозвезд, популярных теле- и радиожурналистов, владельцев средств массовой

25. Агент-представитель не является ни инструментом манипуляций со стороны других людей, ни творцом без границ, как это было замечательно показано в заключительной главе классического труда Питкина (Pitkin H. The Concept of Representation. Berkeley: University of California Press, 1967. P. 209–240). Представляется невероятным быть легитимным и эффективным лидером, если у аудитории создается впечатление, что этот самый лидер просто произносит слова, написанные кем-то, находящимся за сценой, или если кто-то просто импровизирует, отвечая на спонтанные реакции отдыхающей и расслабленной публики.

26. Эта гипотеза широко распространена. Из неё следует ряд более частных гипотез, таких, как следующая: проигравшие политики, в частности свергнутые политики, возвращаются в партийную систему, используя возможности СМИ (знакомства с журналистами высокого уровня, участие в популярных ток-шоу, собственная журналистская деятельность). Оскар Лафонтен, бывший лидер социал-демократической партии Германии, подготовил своё возвращение с помощью автотурки колонки в газете *Bild Zeitung*, в которой Герхард Шрёдер, его бывший соперник, постоянно подвергался атакам. Согласно другой частной гипотезе, политики стремятся привлекать к своей предвыборной кампании звездные коллективы поп-культуры (например, Джон Керри и Брюс Спрингстин в американской президентской кампании 2004 г.). Как показывают последние примеры, все гипотезы допускают, что в аудиторной демократии представители элит (партийные политики, журналисты, звезды) никак не застрахованы от ошибок.

информации, популярных артистов (например, музыкантов), популярных спортсменов, равно как звезд старых профессий (звездных адвокатов, звездных ученых, звездных предпринимателей). Резюмируя: *молодые политики не столь прочно связаны с традиционной иерархией, аристократией и высокой культурой, как старые.*

Гипотеза П₃: Политические лидеры обладают естественной или приобретенной способностью практиковать политику переднего края — «перед объективами телевизионных камер». Некоторые из этих лидеров становятся знаменитостями и поп-идолами²⁷. Большинство из них окружает себя командами информационных экспертов. Все они выходят на публику для того, чтобы усилить популярность и влияние, и делают то, что обычно ожидают от лидера (символизируют собой общество, определяют общие интересы, разъясняют сложные вещи в простых словах, устанавливают приоритеты, разрушают стандарты, ухватываются за уникальные возможности, разрешают сложные вопросы, критикуют неудачные политические действия). Резюмируя: даже в эпоху Интернета *телевидение* имеет значение.

Гипотеза П₄: Политические лидеры становятся режиссерами, вовлеченными в создание образов и программ, заслуживающих доверия всех слоев населения, даже тех, кто сознательно стремится к асоциальному поведению. Они стоят во главе небольшого аппарата лояльных и опытных экспертов по выборам, информационных экспертов, экспертов в области государственной политики и экспертов по набору персонала, финансированию, внешним связям и добровольным агитаторам. Они превращают свои партии, парламентские фракции, правительственные коалиции и министерства (в случае, если это правящие лидеры) в детали непрерывно и плавно работающей машины предвыборной кампании. И должностные лица (выбранные политики как члены партийной команды, гражданские служащие в общественной сфере как политические ассистенты, назначенные менеджеры как доверенные лица лидера), и политические программы (манифесты, стратегии, политические меры) не в точности соответствуют тому, о чём говорится при их публичном оглашении²⁸. Резюмируя: перифра-

27. Pels D. De geest van Pim. Amsterdam: Anthos, 2003; Street J. Celebrity Politicians // British Journal of Politics and International Relations. 2004. № 6, 4; van Zoonen L. Entertaining the Citizen. Boulder: Rowman & Littlefield, 2004. В современных Нидерландах есть три выдающихся политических лидера: Пим Фортейн (популист), Аяан Хирси Али (либерал) и Воутер Бос (социал-демократ).

28. Борьба за лидерство между партиями может рассматриваться как борьба между несколькими режиссерами за монопольное право постановки фильма (пьесы, телевизионной программы). Я не озвучиваю гипотез о балансе власти и компромисса между несколькими партийными лидерами (скажем, Блэр и Браун в британском социализме, Шираком и Саркози среди французских последователей де Голля, Меркель и Штойбера у немецких христианских демократов). Аналогичным образом, борьба за лидерство между правительственными партийными коалициями в схожих друг с другом европейских демократиях и в Европейском совете глав

зируя известную поговорку, пока шоу продолжается, есть надежда, что *партийная кампания* не умрёт.

Гипотеза П₅: Политические партии будут стараться влиять на журналистику и контролировать её методами цензуры (или, грубо говоря, манипулировать ею). Они управляют средствами массовой информации путем прямых контактов с их владельцами, редакторами и репортерами; разговоров не для протокола; пресс-конференций; случайных бесед (встреча с журналистами в самолетах и автобусах); партийных событий (организуемых с единственной целью освещения их в прессе); и отдельными появлениями в различных средствах массовой информации и радиопередачах. Они цензурят информацию, контролируя задания и темы сообщений, получаемые известными журналистам различного уровня; кадрируя выпуски таким образом, чтобы долевое участие их партий было доминирующим; нанимая пиарщиков; игнорируя информацию, распространяемую в сети, и запугивая журналистов. Они контролируют имидж посредством электоральных исследований, фокус-групп, мониторинга средств массовой информации, установлением правил проведения интервью, созданием сайтов видных политиков (сетевых дневников), рекламными объявлениями (такими, как политические прогнозы о том, кто победит, транслируемые в лучшее эфирное время), появлением в популярных, порой неполитических (и даже анти-политических) телевизионных шоу и передачах про обыденную жизнь (факторы приветливого лица или хорошего самочувствия того или иного политика). И они контролируют внутренние связи партии для того, чтобы продемонстрировать единство и энтузиазм и удержать политических оппонентов и журналистов от спекуляций по поводу внутренних партийных разногласий и общепартийного пессимизма²⁹. Резюмируя: у политиков есть веские как *оборонительные*, так и *наступательные* основания инвестироваться в *контроль политических новостей*.

Гипотеза П₆: Лидеры, осуществляющие или контролирующие государственную политику, гораздо более зависимы от цикла производства новостей и журналистских расследований, чем от партийных ресурсов (членов партии, местных отделений, союзнических организаций поддержки), государственных ресурсов (гражданские службы) и независимой публицистики (научные ресурсы). Наиболее очевидный случай такой информационной зависимости — это информация о повседневной жизни и взглядах обычных граждан, избирателей и других людей, зависимых от государственной политики. Наиболее сложный с точки зрения личного интереса политиков случай — это рекламная шумиха по поводу политических ошибок и неверных политических решений. Резюмируя: политики должны примирить-

государств может быть рассмотрена как способ сотрудничества и разрешения конфликтов между несколькими режиссерами.

29. Brants K., van Praag Ph. (Eds). Tussen beeld en inhoud. Amsterdam: Spinhuis, 2000. P. 10–12; McNair B. Journalism and Democracy... P. 113–114; Brants K., van Praag Ph. (Eds). Politiek en media in verwarring. Amsterdam: Spinhuis, 2005. P. 14–16.

ся с *информационной зависимостью* и противоречиями, которые возникают между этой зависимостью и квази-нарциссическим самовосприятием политических лидеров (см. гипотезу P_0).

Я считаю, что все эти гипотезы хорошо согласуются с духом трансформационной теории Манена и его моделью пост-партийной демократии. За исключением, может быть, гипотезы P_2 . Манен считает, что на фазе аудиторной демократии происходит рост демократизации общества, т. е. разрыв между элитой и массами сокращается³⁰. Однако он придерживается старой теории смены элит³¹. Эта теория несовместима со строгой версией гипотезы P_2 , которая предполагает, что новейшие из новых политиков вообще не являются частью социальной элиты.

Мы не должны слепо принимать на веру гипотезу P_0 , в которой говорится о самовосприятии политических лидеров в аудиторной демократии, но не стоит относиться к ней как к легкому послеобеденному разговору («все политики тщеславны, но в наше время больше, чем во времена наших дедов»). Я хотел бы провести эмпирическую классификацию лидеров, действующих как супермены, лидеров, действующих как эгоцентричные супермены, и лидеров, действующих в интересах своих друзей и коллег. Однако я должен с сожалением признать, что у меня нет надежного метода, позволяющего классифицировать различных лидеров и дистанцироваться от того, что все лидеры высокоразвитых демократий активно используют метафору слуг народа (Де Голь как слуга неизбывной французской нации). Поэтому я сразу перейду к следующей гипотезе.

Насколько я могу судить, нет никакой обширной международной статистики о степени медиатизации политической профессии (умело действующие политики/все политики) и политизации журналистской профессии, киноиндустрии и других сфер современной сервисной экономики (политические обозреватели/все журналисты; политические деятели/все деятели и т. д.). Кроме того, нет отчетливой статистики о дуалистической тенденции, если она существует, среди молодых [политиков]. А потому свидетельства в пользу гипотез P_1 и P_2 об отборе политиков, по необходимости, весьма импрессионистичны.

Есть много историй про стремление политиков приспособиться к требованиям телевидения. Моя любимая — это апокрифический рассказ о Миттеране, отчаянно начищающем зубы после поражения, которое он потерпел от Жискара Д'Эстена в 1974 г. Есть также немало историй о самоотводе политиков, робеющих и деревенеющих при виде телевизионных камер. Вспомните обо всех предшественниках Камерона от партии консерваторов после Тэтчер (Хейг, Дункан Смит, Говард)³². В относительно недавних работах рас-

сказывается о пагубной власти информационных консультантов: Дика Морриса, Аластера Кэмпбелла и Карла Роува³³.

Президента США Рейгана (1980–1988, республиканец) часто рассматривают как типичного политического деятеля раннего периода аудиторной демократии. Рейган управлял нацией, провозглашая не интеллектуальные, а моральные истины. Он понял, что успех кассового сбора или сбора в урне для голосования важнее, чем журналистские обзоры. Он искренне верил в то, что деятельное правление включает в себя демонстрацию глубокой убежденности, благородных идеалов и культовых героев. Надо иметь в виду, что Рейган был чрезвычайно коммуникабелен, надежен и умел вести переговоры, по крайней мере с того времени, когда он стал лидером профсоюза актеров³⁴.

Последние подсчеты встречаемости знаменитостей в американской политике с 1945 г. дают нам целый парад звезд (из которого можно исключить генерала Эйзенхауэра, «телевизионную династию» Кеннеди, семью Буша и проигравших кандидатов, таких, как генерал Макартур, миллионер Перот и кинозвезда Битти): Брэдли, Калп, Гленн, Джонс, Кьюел, Макмиллан, Уэйт (все — демократы); Иствуд, Вентура (оба — независимые); Отри, Барнум, Боно, Баннинг, Курс, Грэнди, Кемп, Ларгент, Мёрфи, Осборн, Райен, Шварценеггер, Темпл, Томпсон, Уоттс (все — республиканцы). Сегодня лидирует не столько Калифорния, где пост губернатора принадлежит Шварценеггеру, сколько Гавайи: в ходе выборов 2002 г. в предвыборную кампанию включились шесть телевизионных репортеров. Среди других известных случаев в западной политике можно назвать Италию (порнозвезда Чиччолина, медиамагнат Берлускони, режиссер Дзеффирелли, являющийся сенатором в правительстве Берлускони, режиссер Моретти, являющийся лидером *girotondi* — общественного движения против узурпации государственной власти Берлускони), Великобританию (военный корреспондент Белл, шоумен Килой-Силк), в меньшей степени Дания (случай Хертсгаарда) и Нидерланды

высоких успехов, в то время как политики, не обладающие этим качеством, преуспевают — как лидер немецких христианских демократов Ангела Меркель и нидерландский христиан-демократ Ян Петер Балкененде?

33. В книге Джо Клейна (Klein J. Politics Lost. New York: Doubleday, 2006) упоминается Пэт Кэндел — один из первых крупных информационных консультантов, работавший советником по выборам Джимми Картера. В начале 1980-х вышел голландский фильм «De mannetjes maker» (Создатель человека), в котором рассказывается о взлете и падении политического советника голландской католической партии (КНП) в 1950-х и 1960-х гг. В самом базовом смысле, здесь речь идет о таких вещах, как смена политического стиля. Как верно замечают Лукач и Рансиман, новизна аудиторной демократии сводится к доминированию таких политиков на широкой политической сцене демократических обществ (публичная аргументация, публичная демонстрация эмоций, публичные переговоры и мета-публичность, т. е. мучительная переоценка публичности самой публикой): Lukacs J. Democracy and Populism. New Haven: Yale University Press, 2005. P. 185–92; Runciman D. The Politics of Good Intentions. Princeton: University Press, 2006. P. 31–53.

34. D'Souza D. Ronald Reagan. New York: Touchstone, 1997. P. 33–56.

30. Manin B. The Principles of Representative Government... P. 234.

31. Ibid. P. 220, 232.

32. Аудиторная демократия должна внести своё веское решение в известный парадокс из области исследований политических взаимодействий. Почему сексуально привлекательные политики, как, например, тори Майкл Портило, не добиваются

ды (Фортейн, являющийся главным спикером национального цикла публичных лекций)³⁵.

Однако известны некоторые случаи, когда схемы отбора в представительной демократии по сей день являются далекими от западных. Это Индия, Филиппины и Таиланд. Индийскими политиками, популярность которых базируется на культе известности, являются Амиабх Баччан, Радж Баббар, Джалита, Винок Ханна, Тамил Наду, Андра Прадеш, Т. Рама Рао, МГ Рамачандиан, Шатругхан Синха и Сиддхарт Сивастава. Я не интересовался переменами в современной индийской политике (1984–2004) — падением Индийского национального конгресса, взлетом партии Бхаратия джаната и вспышками индуистского национализма, популизма и экстремизма³⁶.

Популист левого крыла Джозеф Эстрада — президент Филиппин, подвергшийся импичменту по подозрению в коррупции, в прошлом был кинозвездой (1998–2001). Недавно скончавшийся Фернандо По младший, едва не выигравший президентские выборы в мае 2004 г. на Филиппинах, был яркой звездой мыльных опер. Один из действующих вице-президентов этой страны — бывший телеведущий (Ноли «Кабайан» де Кастро). Согласно сообщениям местных корреспондентов, переход из телестудии в палату представителей и сенат по сей день рассматривается в филиппинской политике как нечто само собой разумеющееся.

Таиланд прошёл через взлет (2001) и, возможно, падение (2006) Таксина Шинаватры — миллиардера и бывшего телевизионного магната, одно время работавшего офицером полиции.

Гипотеза П₃ говорит о том, что телевизионная основа современного демократического руководства (в силу природного таланта, либо высочайшего класса нанимаемых телевизионных экспертов) подкрепляется национальной или всемирной популярностью и громкими именами лидеров, особенно тех, кто долго находится у власти. Хотя с исследовательской точки зре-

35. Во Франции провал Колюша, Арлема Дезира, Бернара Тапи и Дьюдона как политических кандидатов показывает, что французские избиратели еще достаточно традиционны и воспринимают политику как важное государственное дело, которое не может быть передано медиа-персонажам, несмотря на то, что наиболее явные случаи политического обмана совершались под личиной профессиональной политики, как во времена правления Миттерана и Ширака (Gildea R. France since 1945. Oxford: University Press, 2002. P. 243–245). Вернер Пергер из газеты *Die Zeit* (корреспондент особой категории) предоставил мне несколько примеров из Германии. Здесь не наблюдается такого прилива звезд в политику, поскольку сильны традиции национального социализма. Именно это стало причиной неудачи Шонхубера, баварского телеведущего и неонациста; Беккенбауэра — баварского футболиста и христианского демократа; Ганс-Ульрих Йоргес, журналист газеты *Der Stern* и медиа-знаменитость, мог бы быть типичным кандидатом с точки зрения аудиторной демократии. Но во время выборов 2005 г. он никак себя не проявил в отличие от популистов левого крыла, таких как Лафонтен и Гизи. Немецкие соображения по поводу аудиторной демократии, хотя и имплицитные, см. в работе: Walter F., Dürr T. *Die Heimatlosigkeit der Macht*. Berlin: Alexander fest Verlag, 2000.

36. Sen A. *The Argumentative Indian*. London: Allen Lane, 2005. P. 45–72 и Он же. *From Identity to Violence*. New York: Norton, 2006.

ния политические биографии представляют собой сомнительный источник, я думаю, их можно принимать в расчёт, если мы сравниваем политиков с известными актерами. Другое утверждение — о нанимаемых партиями командах экспертов по коммуникации — широко и повсеместно обсуждалось в литературе о предвыборных кампаниях (включая обширный биографический материал самих этих экспертов).

Один из биографов Блэра начинает со следующего наблюдения, относящегося ко времени обучения его героя в Феттис Колледже, — престижном шотландском пансионе: «Вряд ли он тогда отдавал себе в этом ясный отчёт, однако Тони Блэр сумел почерпнуть что-то важное в этом душном, отгороженном от жизни высокими стенами мире. Вскоре после того, как он начал делать успехи в политике, стало очевидно, что он великолепный актер. Он держался очень естественно, молодой человек с интуитивным пониманием того, как расположить к себе аудиторию, как вовремя дополнить речь точным жестом и вовремя изменить тембр голоса. В Феттисе никто и предположить не мог, что Блэра ожидает политическая карьера, поскольку его амбиции были еще на стадии формирования. Один из его давних и ближайших друзей говорил мне: „Никто и не думал, что он собирается стать премьер-министром или даже просто политиком. Он не вызывал впечатления человека, ставящего перед собой высокие цели“. Но в то же время с юных лет Блэра было понятно, что он создан для сцены. «Вы должны помнить, что он актер. Нет, скорее, исполнитель. Он полон воодушевления... Он по-прежнему волнуется перед выступлениями, но ему это нравится», — добавил его друг, рассказывая о премьер-министре Блэре»³⁷. Далее биограф пишет о школьном театре, о заботе о внешности, об аккуратности Блэра при подборе слов и выражений, о выступлениях (костюмы, рубашки, галстуки, ботинки), и все это увенчивалось солидным юридическим образованием³⁸.

Джо Клейн излагает в журнале *The Natural* похожие наблюдения о Клинтоне — американском президенте с 1992 по 2000 г. Вот какая подборка цитат вошла в мою антологию: «Действительно, Билл Клинтон часто рассматривается как воплощение предполагаемых недостатков своего поколения: моральный релятивизм, тенденция уделять большее внимание маркетингу, а не имуществу, солипсическая незрелость». «На деле, Билл Клинтон был удивительно гибким человеком, он был порождением своей среды, умею-

37. Stephens Ph. Tony Blair. New York: Viking, 2004. P. 5–6. Как писал Рансиман (Runciman D. *The Politics of Good Intentions...* P. 51): «Взгляды Тони Блэра на политическую ответственность отличало то, что он использовал „личностные“ переживания (в Веберовском смысле) — то есть он брал то, что относится к внутренней жизни политика или партийной машины, — и играл на этом в открытой политической жизни, демонстрируя всем внутренние механизмы своего политического сознания».

38. Игнатъев предполагает, что Блэр и другие типичные представители политиков западной аудиторной демократии ведут гуманитарные и виртуальные войны (Ignatieff M. *Virtual War*. London: Chatto & Windus, 2000. P. 176–191). Эта оценка нуждается в подтверждении большим количеством фактов, чем вторжение в Косово (См.: Kampfner J. *Blair's Wars*. New York: Free Press, 2003).

щим вскружить голову присущим ему обаянием и постоянно старающимся угодить». «В ретроспективе становится очевидным, что Билл Клинтон представлял собой полное собрание всего, что его обвинители считали наиболее дурным, неправильным и омерзительным с их собственной точки зрения, особенно те, кто, как и он сам, достиг совершеннолетия во времена широкой популярности наркотиков, охватившей страну после Второй мировой войны (о негативной идентификации с Клинтоном как участником скандалов, таких как дело Левински, JdB)». «О нем ходило много разных слухов, но, похоже, Клинтона это несколько не беспокоило, на деле, его забавляла эта игра. (...) Он знал, что живёт [является предметом пристального внимания] в каждой американской кухне и каждой американской комнате также точно как то, что сам он находится в Белом Доме. Он превратил собрание жителей города в такой же обязательный инструмент избирательной кампании, как теледебаты (на деле, он совместил собрание жителей с президентскими прениями, основав новый ритуал, повторяющийся каждые четыре года). Он всегда был готов к диалогу. (...) Вполне вероятно, что эра Клинтона запомнится историкам преимущественно как момент полного устранения дистанции между президентом и народом»³⁹.

Гипотеза П₄ о политическом лидере как режиссере и создателе образа вполне обоснована, и техника ведения электоральных предвыборных компаний вызывает определенную озабоченность. Написана масса работ о поступательном процессе профессионализации и модернизации электоральной предвыборной кампании, а также о самоусиливающихся (*self-reinforcing*) масштабах роста стоимости предвыборных компаний и о специальных акциях по сбору средств⁴⁰. Кроме того, недавно появились публикации об искусственном создании репутации политических соперников (партийные конференции в виде телевизионных шоу, лозунги, фильмы о лидере и её или его биографии и т.д.). Гораздо меньше мы знаем о том, как крупные партийные лидеры на практике превращают свои парламентские группы, свои правительственные команды и руководства региональных отделов в машину предвыборной кампании в периоды между выборами. В Нидерландах в правительстве работает около 5000 советников по средствам массового сообщения (20% от их числа работает в центральном правительстве в Гааге). Около 300 советников работает в Амстердаме (200 из них являются сотрудниками по связи с общественностью)⁴¹. Проблема этих данных в том, что мы не знаем, какое количество этих советников вовлечено в реальную партийную политику. К тому же, мы не можем сказать, в чём различие между защитными действиями постоянно длящейся кампании (от потенциальной угрозы разоблачающей и чрезмерно политизированной журналистики) и наступательными действиями (с целью получить лидерство и приви-

легированную позицию в партийной системе). Как и во всех других случаях, вера в гипотезы, высказываемые по поводу аудиторной демократии, основаны на неочевидных основаниях. Это прекрасно иллюстрирует газетная статья о затеянной Блэром реорганизации Даунинг Стрит, ю после его пере-выборов в июле 2001 г.: служба доставки (удовлетворение требований избирателей), офис системы связи общего пользования (регистрация достижений в бытовом обслуживании) и отдел наступательных стратегий (*Financial Times*. 2001. July 9).

Гипотеза П₅ о том, что новостная политика управляет партиями, во многих отношениях является не только логическим выводом теории аудиторной демократии, но и часто озвучиваемым результатом огромного количества эмпирических исследований о реакции партий на десемантизацию (обесмысливание) сообщений партийных средств массовой информации и потерю внимания со стороны независимых и союзнических СМИ. Реальной проблемой здесь является не вопрос партийной работы, а постоянное воздействие на журналистов и слушателей популярных средств массовой информации⁴².

Гипотеза П₆, касающаяся информационной зависимости от СМИ политиков, партий, парламентов и партийных правительств, находится в сфере компетенции специалистов в области парламентских исследований и политических взаимодействий. Общепринятым считается, что мы не обладаем достаточной информацией об отношениях между членами парламента/законодательной власти и правительства/исполнительной власти. Согласно одному голландскому исследователю примерно две трети рабочей повестки нижней палаты Голландии (*Tweede Kamer*) **определяется программами** последних известий. Он указывает на роль, которую играют еженедельные открытые «часы вопросов», шумные обсуждения или экстренные заседания, публичные собрания особых комитетов (с министром во главе или без него) и официальные расследования ошибок, допущенных в стратегических правительственных проектах, или случаев коррупции в особо крупных размерах. В такой обстановке даже сильные и инициативные политики начинают действовать, руководствуясь сообщениями новостных программ⁴³. Более того, создается впечатление, что исследовательские возможности традиционных массовых партий почти полностью исчерпаны. Сегодня правящие партии при проведении базовых и первичных исследований полагаются на вклад активных членов академического сообщества, выводы независимых государственных учреждений и малобюджетных аналити-

39. Klein J. *The Natural*. New York: Doubleday, 2002. P. 9, 10, 184, 207, 208.

40. Farrell D., Webb P. (Eds). *Political Parties as Campaign Organizations // Dalton R., Wattenberg M. (Eds). Parties without Partisans*. Oxford: University Press, 2000.

41. Prenger M., van Vree F. *Schuivende grenzen*. Amsterdam: NVJ, 2004. P. 39.

42. Brants K., Kok W., van Praag Ph. (eds.). *De strijd om de kiezersgunst*. Amsterdam: Kobra, 1982; Brants K., van Praag Ph. (1995); Swanson D., Mancini P. *Politics, Media, and Modern Democracy*. London: Praeger, 1996; Norris P. (ed.). *Critical Citizens*. Oxford: University Press, 1999; Brants K., van Praag Ph. (Eds). *Tussen beeld en inhoud...*; Brants K., van Praag Ph. (Eds). *Politiek en media in verwarring...*

43. Брантс К. (Brants K.), доклад на конференции Голландского фонда электоральных исследований в Гааге, 9 июня 2005 г. Ср. с: Pauw B. et al. *Waar halen ze het vandaan? Tweede-Kamervragen in het jaar 2003/2004*. The Hague: Pauw Consultants, 2004.

ческих центров. Информационная зависимость политиков косвенно подтверждается возникшими в последнее время взаимными обвинениями. Политики жалуются на то, что они больше не могут нормально заниматься своим ремеслом из-за быстродействующей журналистики с её сомнительным стремлением помесечно, понедельно и поминутно освещать всевозможные инциденты и поддерживать рекламную шумиху (вместо того, чтобы уделять внимание нерегулярным «событиям», как сказал в известной речи Макмиллан — премьер-министр Великобритании в 1960-х). Граждане и их представители жалуются на то, что политики уже не имеют представления о том, как живут обычные люди и как государственная политика сказывается на их жизни. И то, и другое обвинение предполагают, что представление о хорошо информированном и продуктивном политике, получающем информацию как через критическую журналистику, так и от избирателей своего округа, безнадежно устарело⁴⁴.

5. ЖУРНАЛИСТЫ КАК ЭКСПЕРТЫ

Оригинальное определение модели аудиторной демократии Манена не содержит «блока» [соображений] о журналистах и средствах массовой информации. Оно представляет специфический набор гипотез о политиках и партиях, с одной стороны, и об избирателях и общественных объединениях граждан — с другой. Я попробую встроить этот блок, основываясь на работах в области информационной логики. В этих работах говорится о происходящей в настоящее время трансформации информационных технологий, об информационном капитализме, о профессиональной журналистике (обучение, организация, моральный облик, социальное положение), о роли государства в предоставлении возможностей образования, освещения новостей и организации досуга, о популярной культуре и общем развитии этой компоненты государственной системы, как, например, рост всеобщей образованности. Их главный тезис заключается в том, что демократические государства перешли от логики партийных взаимодействий, в которой партийная система доминирует над средствами массовой информации, к логике информационных взаимодействий, в которой доминируют средства массовой информации, за исключением короткого периода долгих 1960-х гг., когда общественные организации активных граждан доминировали как над партийной системой, так и над СМИ⁴⁵. Я попробую сформулировать своё пони-

44. Vasterman P. Mediahype. Amsterdam: Aksant, 2004. По поводу голландской полемики см.: Raad voor Maatschappelijke Ontwikkeling. Medialogica. The Hague, 2003 и Raad voor het Openbaar Bestuur. Politiek en media. The Hague, 2003.

45. Altheide D., Snow R. Media Logic. Sage: Beverly Hills, 1979; Mazzoleni G. Media Logic and Party Logic in Campaign Coverage // European Journal of Communication. 1987. № 2. P. 81–103; Blumler J., Gurevitch M. The Crisis of Political Communication. London: Routledge, 1995; Swanson D., Mancini P. Politics, Media, and Modern Democracy...; Norris P. A Virtuous Circle...; van Praag Ph. Partijen in de mediocratie // Becker F. et al. (Eds). Politieke partijen op drift. Amsterdam: Arbeiderspers, 2003. P. 144–168; Hallin D., Mancini P. Comparing Media Systems...

мание информационной логики в виде набора проверяемых гипотез и в рамках концептуальной схемы Манена.

Гипотеза Ж₀ (журналисты, отсчёт от нуля): Журналисты и другие представители медийной системы (владельцы, редакторы, менеджеры) стремятся видеть себя и представлять себя другим в качестве независимых и самостоятельных — они обязаны так делать, скорее, из-за ограничений и побудительных мотивов самой системы, чем из-за желания подчинить себе политиков и других крупных и влиятельных представителей либеральной рыночной демократии. Резюмируя: журналистика свободна, обладает признанием и прочно занимает *центральное место* в современной культуре⁴⁶.

Гипотеза Ж₁: Журналисты и другие деятели медийной системы стремятся видеть себя и представлять себя другим в качестве сторожевых псов, действующих (независимо) от лица граждан и потребителей — властью, уравновешивающей государственную тиранию, и стабилизирующей силой, действующей в интересах народа. Журналисты убеждены, что без критики со стороны СМИ демократия станет дисфункциональной, что отклонение реальной политической практики от идеальной демократии будет увеличиваться по причине повсеместного нарушения закона; и это убеждение является неотъемлемой частью современной идеологии (общепринятой точкой зрения) в демократическом обществе. Резюмируя: и у коммерческой, и у некоммерческой журналистики есть *политическое измерение*.

Гипотеза Ж₂: Коммерчески успешные или явно политически ангажированные журналисты и другие деятели медийной системы стремятся видеть себя и представлять себя другим в качестве народных глашатаев, (1) противостоящих членам парламента и невыборным членам государственных организаций посредством провозглашения требований популярных народных представителей (групп по интересам, общественных движений, неправительственных организаций, участников политики отстаивания интересов) как доверенных лиц народа и выразителей народного мнения; (2) дополняющих традиционные институты представительства и замещающих их, и (3) в некоторых случаях более совершенно владеющих искусством выявления скрытых запросов и поддержки обычных граждан, особенно тех, кто находится в затруднительном положении. Резюмируя: журналистика — неотъемлемая составная часть *общего сдвига* политики представительности и партийного участия из государственной сферы в *публичную сферу* гражданского общества.

46. Сравните, например, с 1919 г., когда Макс Вебер прочёл свою знаменитую лекцию о политиках и журналистах в партийной демократии (*Politik als Beruf*). Эта гипотеза не исключает возможности внутреннего ранжирования журналистов с точки зрения социальной приемлемости и экономической рентабельности. И не стоит забывать, что многие известные политики в истории западной демократии имели журналистское образование (Черчилль, Миттеран, Муссолини).

Гипотеза Ж₃: Журналисты и другие деятели медийной системы занимаются не столько репортажами (описанием фактов) и расследованиями (поиском фактов), сколько интерпретациями. Они более или менее умышленно применяют различные стратегические схемы, для того чтобы разобраться в политике и разъяснить её аудитории телезрителей, читателей и радиослушателей. Резюмируя: без акцентации на *интерпретирующей* журналистике СМИ не могут уцелеть в информационной конкуренции, пока политики стремятся быть неоднозначными и скрытными, а граждане — несведущими и беспомощными.

Гипотеза Ж₄: Господствующие политические конструкции приобретают в большой журналистике строгий уклон в сторону негативизма. Они нацелены не столько на компромисс, сколько на борьбу; не столько на объединение, сколько на разъединение; не столько на общие вопросы (или причины), сколько на отдельных людей; не столько на идеалы (или принципы), сколько на власть; не столько на политес, сколько на политику; не столько на суть политики (содержательные государственные решения), сколько на мета-политику (вопросы партийной стратегии и тактики); не столько на конструктивную точку зрения, сколько на моральную; не столько на аргументы, сколько на сантименты; не столько на серьезные (или трудные) вопросы, сколько на зрелищные; не столько на важные политические новости, сколько на прогнозируемые действия; не столько на сложность, сколько на простоту; не столько на более-менее длительные периоды времени, сколько на короткие; не столько на рутинные процедуры, сколько на драматическое действие; не столько на будущее элит, сколько на будущее простых людей; и последнее, но не менее важное, не столько на позитивное представление (выгоды, триумфы, истории успеха, возможности, решения), сколько на негативное (цену успеха, поражения, ошибки, опасности, кризисы). Резюмируя: механизмы большой журналистики принципиально *негативны*, что *ceteris paribus* [при прочих равных] способствует *дезинтеграции* демократической политики.

Гипотеза Ж₅: Журналисты и другие деятели медийной системы пытаются влиять на (слабая Ж₅) или определять (сильная Ж₅) *отбор политиков* (кто решает?). В особенности успешная и политически ангажированная журналистика (см. Ж₂) пытается создавать или разрушать схемы выигрышной и проигрышной демократической политики.

Гипотеза Ж₆: Журналисты и другие деятели медийной системы пытаются влиять на (слабая Ж₆) или определять (сильная Ж₆) отбор проблем (по какому поводу принимаются решения?). И снова успешная и политически ангажированная журналистика пытается внедриться в политический процесс посредством обсуждений, определением повестки дня и контролем её результатов.

Я берусь утверждать, что все эти гипотезы согласуются с духом трансформационной идеи Манена и вполне совместимы с его моделью. Однако гипотеза Ж₄ вызывает сомнения.

Во-первых, это целевая теория, а именно, теория информационной дисфории, в то время как теория Манена является универсальной. Одними из первых на информационную дисфорию обратили внимание Крозье, Хантингтон и Ватануки (1975) в своей книге о перегрузке систем управления⁴⁷. Во-вторых, теория не совершенна, поскольку она не сообщает нам, по какой причине господствующая журналистика и господствующие формы её реализации должны благоприятствовать управлению толпой (охлократия), поскольку она представлена политиками популистского толка, негативистскими журналистами и шовинистически настроенными избирателями. Обратите внимание на весь этот плюрализм, разнообразие и непостоянство СМИ, информационных продюсеров, публики и политических партий, а также других форм политической активности (левые и правые, светские и религиозные и т. д.) — вряд ли свободная конкуренция в журналистике, основанной на распространении негативных сообщений, способна обеспечить равновесие [возможностей]. Более того, подход, практикуемый в теории информационной дисфории, не принимает во внимание феномены, отрицающие негативизм, а именно, информационную зависимость журналистов от властных политиков и регулярные карьерные переходы журналистов из средств массовой информации в политику (в штат партий или министерств)⁴⁸. Есть только один способ сохранить эту малодостоверную теорию. Необходимо привнести в неё комплекс аргументов о негативизме избалованного среднего класса и молодого поколения, или отрешённости пролетариата и семьи в глобальном капитализме, или неуверенности ста-

47. Crozier M., Huntington S., Watanuki J. The Crisis of Democracy. New York: University Press., 1975. P. 33–37.

48. Прекрасным примером является Боб Вудворд, некоронованный король американской политической журналистики, начиная с Уотергейтского скандала и заканчивая Ираком. Он никогда не устанавливал и не защищал свою позицию посредством дешёвого негативизма или дешёвого позитивизма. Качество его умения сочетать тонкий негативизм с позитивизмом предопределило успех его статей и книг. Похоже, сторонники гипотезы Ж₄ (такие, как McChesney R. Rich Media, Poor Democracy...; Meyer Th. Mediokratie...; Gans H. Democracy and the News...) готовы утверждать, что лидеры медиа-рынка, делающие ставку на негативизм совокупно спроса потребителей СМИ (Мёрдок в Соединенных Штатах и Великобритании), подкупают политиков, делающих ставку на негативистский климат общественного мнения электората, в то время как некоторые политики (Дж. В. Буш, Блэр) меняют антимонопольные правила, чтобы защитить медиа-корпорации. Этот аргумент кажется притянутым за уши. Я думаю, что лучшей иллюстрацией этого является Берлускони — премьер-министр Италии в 1994 г. и с мая 2001 г. по май 2006 г. (наиболее успешный политический должитель со времен Второй мировой войны). Но Берлускони использовал негативизм *селективно*, дополняя его позитивизмом.

рых элит и одержимости новых в тот момент, когда политика становится популистской⁴⁹.

Наконец, в модели Манена вполне справедливо говорится о перспективе открытого взаимодействия между политиками и журналистами на глазах у образованной публики. Такое взаимодействие может иметь, в том числе нейтральные последствия в непрерывной гонке между силами демократической интеграции и даже полезные результаты (обогащение правительства и подданных). Поэтому гипотеза Ж₄ должна быть переформулирована:

Гипотеза Ж_{4*}: Удельный вес СМИ в обороте рынка и схемы действий журналистов являются в высшей степени спорными, в то время как негативизм давно стал товаром, продаваемым как владельцами СМИ, так и менеджерами редакционных отделов.

Гипотезы Ж₀, Ж₁ и Ж₂ об апломбе журналистской профессии (отсутствие страха перед потерей статуса); её самовосприимчивости и признанной роли в демократической политике в широком смысле этого слова, о новейшем стремлении и склонности журналистов видеть в себе квази-избранных/ квази-назначенных представителей обычных людей (как часть общего странственного сдвига в политике) соответственно, хорошо подтверждаются эмпирическими исследованиями. Согласно этим исследованиям, экспертная роль профессиональной журналистики прочно укоренилась в высокоразвитых демократиях.

Однако, гипотеза Ж₂ не вполне очевидна. Целесообразна ли, а также насколько возможна и насколько выполнима ситуация, когда обозреватель становится политическим деятелем на своей собственной изолированной театральной сцене? С одной стороны, владельцы СМИ, редакторы и журналисты часто отрицают, что их стремление к информационной открытости сводится к намеренному вторжению на закрытую территорию парламентариев, партийных руководителей, министров и других власть имущих под видом формальных процедур демократического контроля. С другой стороны, большинство событий в области реальной журналистской политики вряд ли дают возможность провести чёткую разделительную черту между политизированной и аналитической журналистикой.

Джереми Паксман, ведущий телепрограммы BBC *Newsnight* по прозвищу «живая бритва», является типичным представителем экспертной журналистики (инициативный, хорошо информированный, полный жизни, сфокусированный на неубедительных доводах каждой партии). Во время последней избирательной кампании в Великобритании (2005) я своими глазами видел, как часто Паксман урезает время выступления политиков и растягивает время выступления политических аналитиков. И еще одно лич-

ное наблюдение. Я мог бы привести массу примеров того, как журналисты коммерческого телевидения берут жёсткие интервью у новых, неискушённых политиков и опытных политиков, попавших в неприятную ситуацию, до привлечения их к ответственности на парламентских сессиях и партийных конференциях или сразу же после извещения общественности о таких мероприятиях (краткие сообщения в газете, цитирование политических выступлений).

Политологи и специалисты, изучающие средства массовой информации, пытаются заменить голословные обвинения [журналистов] в усилении собственного политического участия и импрессионизме процедурами точных измерений. Они подсчитывают количество минут телевизионного вещания журналистов (как абсолютное, так и доленое по сравнению со временем вещания политиков), продолжительность совместного общения журналистов и политиков во время дебатов между кандидатами под общим руководством журналиста (сравнивая его с дискуссиями между политиками и гражданами), количество часов выступлений на радио и в других оппозиционных СМИ, количество очевидно политических и партийных выводов, сделанных журналистами (включая стопроцентное виртуальное участие таких каналов, как *Fox News*) и партийное содействие владельцев СМИ (членство, деньги, консультации).

Гипотеза Ж₃ о росте превосходства аналитической журналистики над обычной редакционной журналистикой достоверно документирована. Один из методов — проведение разграничения между содержательными новостями о партийных предвыборных кампаниях и малосодержательными репортажами, основанными на обиходной чепухе (общая атмосфера, уличные интервью) и обстоятельствах гонки (пулы, журналистские обзоры). Другой — это разграничение в журналистике, освещающей предвыборную кампанию, проводимое между метаполитическими разногласиями (стратегии, личные конфликты, человеческие интересы) и разногласиями по существу⁵⁰. Другими словами, это означает, что большинство ученых склонно считать, что с конца двадцатого столетия во многих западных странах все политические процессы (не только выборы) демонстрируют крайне быстрый рост аналитической журналистики и относительное снижение — если не полное исчезновение — репортажной и расследовательской журналистики. Однако существуют важные международные различия. Например, в Германии аналитическая журналистика гораздо более весома, чем в Соединенных Штатах.

Гипотеза Ж_{4*} об общем негативизме СМИ в отношении представительной демократии более правдоподобна, чем гипотеза Ж₄. Экономическая конкуренция и профессиональное соперничество в секторе политических новостей и информационном посредничестве в широком смысле этого слова

49. Putnam R. *Bowling Alone*. New York: Simon & Schuster, 2000; Dalton R. *Democratic Challenges, Democratic Options...*; Lane R. *The Loss of Happiness in Market Democracies*. New Haven: Yale University Press, 2000; Snyder J. *From Voting to Violence...*

50. Здесь нет какой-то общепринятой классификации ограничений, налагаемых на демократическую политику. Поэтому я предлагаю платоновскую классификацию ограничений по интересам (политическая экономика, государственная администрация), по страстям (история и культура, имеющиеся государственные конфликты) и по законности (конституция, общественная мораль).

(включая увеселительные передачи) серьезным образом возросли. Ограничения, накладываемые на политиков, сами по себе становятся темой для дискуссии в публицистической прессе, в ответной реакции читателей (в виде писем редактору), в комедии и сатире, в аналитических передачах на радио и телевидении (одна такая программа в Нидерландах называется «Верховенство лжи» [*De Leugen Regeert*]), в открытых дебатах между известными журналистами и в учебных заведениях, где готовят журналистов. Сама концепция такого рода ограничений стала составной частью ежедневных обсуждений, равно как психологических оценок, исследований в области общественных движений и средств массовой информации. Более того, освещение событий не столько в позитивном или нейтральном, сколько в негативном аспекте проникло и в мультимедийную среду (не только в таблоиды, но и в серьезную прессу, многочисленные телевизионные каналы, новостные передачи, новые виды СМИ и т.д.). Поэтому нет ничего удивительного в том, что такого рода ограничения становятся предметом научного исследования и серьезно влияют на выбор подходов к изучению поведения как политиков, так и самих избирателей.

Гипотеза Ж₅ о главенствующей роли журналистики в отборе политиков, похоже, вошла в здравый смысл нового поколения политиков. В Великобритании во время скандала, связанного с Бланкеттом, ходило мнение, что уязвимые политики (с известными всем личными проблемами или замешанные в тщательно скрываемых махинациях, а также те, кто стал мишенью для критики как со стороны оппозиции, так и лидеров своей собственной партии) не способны сдерживать напор агрессивной журналистики дольше, чем две недели⁵¹. Конечно, для того чтобы проверить эту житейскую мудрость, нам нужно использовать более обширную базу данных, а также ответить на вопросы, которые напрашиваются сами собой. Является ли журналистика главной движущей силой или, если быть менее категоричным, ключевым условием низвержения слабых политиков? Является ли она движущей силой или ключевым условием роста популярности успешных политиков? И, в случае если селективное могущество журналистики будет доказано, способна ли журналистика избежать ошибки первого порядка/ложноотрицательной (способствование уходу политика, искренне пекущегося об общественном благе) и ошибки второго порядка/ложноположительной (способствование росту популярности политика, ведущего общество к распаду)?

Гипотеза Ж₆ о главенствующей роли журналистики в выборе политической повестки дня также неплохо исследована и представлена в работах о позиции СМИ в так называемой структуре политических возможностей

51. Дэвид Бланкетт, знаменитый своей зашоренностью член партии новых лейбористов, в своё время (2004 г.) возглавлявший Министерство юстиции и внутренних дел, обвинялся в том, что способствовал трудоустройству няни ребенка своей подруги, в то время как его собственные дела были полностью расстроены. Блэр уволил его, но сразу же после этого предложил ему министерский пост в своей третьей администрации (Runciman D. The Politics of Good Intentions... P.185).

государства. Действительно ли журналисты и другие представители медиасистемы определяют список вопросов повестки дня, ход политических дебатов и их финальный результат? Или, рассуждая менее категорично, действительно ли они вносят вклад в блокирование одних вопросов и деблокирование других (таких, как отказ в государственной политической поддержке феминизму, как об этом справедливо сказано в известной книге Сен⁵²)?

Я не собирал специально интересные результаты исследований по партийному политическому составу (личностей) и спискам (вопросов), прошедшим медиа-отбор. Однако недавно вышедший сборник статей о двух весьма непростых выборах в Нидерландах (2002 и 2003 гг.) способен пролить свет на эту проблему. Авторы приходят к выводу, что наблюдались очевидные случаи медиа-селекции кандидатов (Мелкерт, Цальм), однако в этой части их утверждения неубедительны. Что касается медиа-селекции обсуждаемых вопросов, они приходят к отрицательному заключению (знак минус). Их общий вывод — Нидерланды движутся в направлении аудиторной демократии, так как СМИ идентифицируют себя с народом (+), рассматривают публику как потребителей (+/-), доминируют во время проведения политических шоу (+/-), а сами шоу становятся менее содержательными (+)⁵³.

6. ИЗБИРАТЕЛИ КАК ЗРИТЕЛИ

В теории Манена вопросы, касающиеся роли избирателей в аудиторной демократии, разработаны довольно качественно и фундаментально. Избиратели — рациональные выборщики. Они фокусируются на персональных качествах политиков, чтобы лично оценить, насколько верна передаваемая о них информация. Они проводят качественные различия между кандидатами, опираясь на скачкообразно меняющиеся критерии оценки. Они оценивают карьерные траектории различных кандидатов. У них нет особых предпочтений в *преддверии* политических действий и взаимодействий, но зато они реагируют на различия в имиджах политиков в ходе ведения предвыборной кампании — когда те дискутируют друг с другом и делают заявления⁵⁴. Однако Манен не рассматривает отдельно аргумент о неоднородном (активном и пассивном) режиме ведения выборов, который так типичен для аудиторной демократии. Речь идёт о зрительской роли избирателей. Я попытаюсь разъяснить эту метафору, высказав ряд гипотез.

Гипотеза И₀ (избиратели, отсчет от нуля): Избиратели не являются ни анонимными и безвольными представителями масс, подверженными влиянию со стороны демагогов/экстремистов и склонными к иррациональному поведению, ни конформистски настроенными, покорными членами существую-

52. Sen A. Poverty and Famines. Oxford: Clarendon Press, 1981 и Она же. Development as Freedom. New York: Knopf, 1999.

53. Brants K., van Praag Ph. (eds.). Politiek en media in verwarring... P.278. Ср. с: Kleinnijenhuis J. et al. De puinhopen van het nieuws. Alphen aan de Rijn: Kluwer, 2003.

54. Manin B. The Principles of Representative Government... P.134-139, 218-336.

щих в обществе коллективов. Они воспринимают себя и представляют себя другим как независимые и самостоятельные — они обязаны так поступать, скорее, из-за ограничений и побудительных мотивов самой системы, чем из-за желания подчинить себе политиков, журналистов, другие правящие группы и всю политическую машину в широком смысле этого слова. Резюмируя: избиратели — *индивидуалисты*⁵⁵.

Гипотеза И₁: Избиратели желают и способны действовать интернационально в соответствии с принципом минимакса рационального выбора (оптимизация средств, убеждений и имеющейся информации). Формально, зритель — образован, любознателен и отдаёт себе отчёт в своих достоинствах. Он или она тратят минимальное количество энергии и времени на политическую деятельность. Правопритязания, выход в открытое информационное пространство и выражение протеста используются избирательно. Всеобщее участие [в выборах] «душой и телом» в большинстве случаев продолжает оставаться показным. Хотя, порой замечается флуктуирующая активность, амплитуда которой зависит от сути обсуждаемого вопроса, перспектив успеха в недалеком будущем и совсем немного от признания со стороны других избирателей. Резюмируя: избиратели действуют так, как если бы они были *критически настроенными* посетителями политического театра (критикующие граждане).

Гипотеза И₂: Избиратели наблюдают за гражданскими настроениями. Они интересуются государственной политикой и политикой вообще. У них есть доступ к тому, что Бентам, автор «Конституционного кодекса» (1830), назвал «трибуналом общественного мнения»: открытые заседания парламента, публичные выступления правительства (такие, как регулярные послания национальных лидеров), газеты, радио, Интернет и вдобавок ко всему, телевизор в комнате. Они наблюдательны. Они следят за событиями на политической сцене. Будучи дистанцированными от политиков (и журналистов), они всё же находятся в пространстве, в котором преобладает телевидение, они обсуждают политический спектакль; они выражают своё негодование, аплодируют или остаются молчаливыми; они формируют своё мнение и выражают желание голосовать или участвовать в других политических акциях; и они делают всё это, осторожно выбирая между бдительностью и заинтересованностью⁵⁶. Резюмируя: голосование — это *частично видимая* часть длительной практики гражданственности, а именно — *мониторинг*.

55. Хотя, ни массовая социология, ни плюралистическая теория не говорят ничего о поведении избирателей в аудиторной демократии (бай-бай гипотезам о страхе перед свободой: самоподчинение избирателей тоталитарным лидерам; и до свидания недалёковидным гипотезам: от СМИ к лидерам информационных групп, а от них — к избирателю).

56. Schudson M. The Good Citizen: A History of American Civic Life. New York: The Free Press, 1998, P. 311.

Гипотеза И₃: Избиратели реагируют на широкий показ выступающих и общающихся друг с другом политиков. Им это нравится, они высоко это ценят и у них рождаются симпатии в отношении определенных политических лидеров (режиссеров) и политиков (актеров), сумевших склонить их на свою сторону; или они ненавидят этот спектакль, относятся к нему враждебно и их симпатии неподвластны ни одному из актеров на политической сцене. Резюмируя: аудитория избирателей *неоднородна, разделена на части* и чувствительна к изменениям постановочного стиля (*мода*).

Гипотеза И₄: Избиратели реагируют на непрерывные обзоры средств массовой информации и отдельных журналистов. Такие обзоры *вливают* на желание избирателей быть зрителями, уровень информированности, внимания и осмотрительности и итоговую оценку.

Гипотеза И₅: Избиратели должны доверять политикам и журналистам, чтобы создать наиболее оптимальную представительность. Однако доверие электората, даже если оно подкрепляется информационной зависимостью от политиков и журналистов, является относительным и условным. Количество благоприятных голосов и лояльность избирателей (если таковая имеется) неизбежно зависят от образованности, творческой фантазии, поведения и репутации политиков и в меньшей степени от журналистов. Резюмируя: *доверие* электората является одновременно исходной предпосылкой аудиторной демократии и результатом политических действий в границах треугольника — политики / журналисты / граждане.

Гипотеза И₆: При любых обстоятельствах политики и журналисты должны принимать во внимание, что при определенных условиях разочарованные избиратели могут хлынуть на политическую сцену. Брюзгливые зрители могут переоплотиться в непререкаемых борцов; потребители средств массовой информации могут начать бойкотировать государственные СМИ и переключаться на новые медиа-бренды. Резюмируя: над государственными действиями и взаимным общением политиков и журналистов нависает *скрытая угроза* стихийного бунта⁵⁷.

Я не эксперт по избирательным кампаниям. Интуиция подсказывает мне, что для того, чтобы подтвердить этот третий блок гипотез, высказанных в отношении аудиторной демократии, требуется резкое изменение направ-

57. « (...) обычно в этом нет ничего, кроме желания вовлечь аудиторию в особую игру», — как сказал об этом Эльмер Шатшнаyder в своей книге: Schattschneider E. The Semi-Sovereign People. New York: Rinehart and Winston, 1960. P. 18. Политики и журналисты могут также вовлекать избирателей в игру на политической сцене либо по положительным мотивам (коллективная политика), либо по негативным (что означает признание инерции аудитории). Концептуальная схема Манена исключает позитивные случаи участия граждан, рецензентов и режиссеров как позитивных действующих лиц. Хотя, в негативных случаях это считается допустимым.

ления электоральных исследований последних десятилетий и внедрение принципиально новых исследовательских методик. Интеракционные эффекты на этой стадии развития демократии представляются доминирующими и во многом непредсказуемыми. Способны ли мы охватить все нюансы отношений между имиджами политиков, схемами действий журналистов и оттенками мировосприятия обычных граждан и телезрителей? К сожалению, следующая часть моего сообщения содержит больше вопросов, чем ответов.

Гипотеза I_0 об электоральном индивидуализме может быть проверена как напрямую, так и методом от обратного. Проверка от обратного выявляет отсутствие: однопартийной гегемонии; партийных картелей; «железных людей», олицетворяющих традиционное представление о лидерстве; преимущественной поддержки единственной партии; эффектов безнадежного аутсайдерства в ходе кампании; и расслоений, подобных классовому расслоению⁵⁸. Периодически повторяющиеся сложности, с которыми сталкиваются исследователи в попытках определить эти феномены, начиная примерно с 1975 г., являются признаком роста культуры демократического индивидуализма. Однако чтобы избежать безэквивалентной постмодернистской болтовни, необходимо осуществить прямую позитивную проверку. Действительно ли избиратели желают и способны признать себе в ошибочности собственных мнений и изменить свои взгляды в процессе открытого обсуждения⁵⁹? Действительно ли они способны и желают поддерживать одиноких кандидатов, бросающих вызов власти, стремящейся внедрить в общественное сознание мнимое представление о всеобщей гармонии (например, мнимый эгалитаризм в процветающих странах, мнимый плюрализм в обществах с большим количеством мигрантов и мнимый европеизм в странах, являющихся членами Европейского союза)? Способны ли мы установить зависимость между растущими колебаниями предпочтений избирателей в отношении левых, центристских и правых партий (непостоянство избирателей) и демократизацией индивидуальных предпочтений представителей рабочего класса и низов среднего класса?

Гипотеза I_1 о рационально мыслящем избирателе может быть подтверждена прямой проверкой ряда стереотипов. Если избиратели *не* сосредотачивают внимание на несущественных признаках (скажем, на цвете глаз кандидатов), если они *не* меняют своё мнение мгновенно под воздействием журналистики (Fox News) и сентиментальной журналистики (фактор, свойственный CNN, в их репортажах, нацеленных на вышибание слезы), если их взгляды *более* благоразумны и убедительны, чем взгляды профессиональных политиков и журналистов (как в случае импичмента президенту

Клинтону), то обстоятельство минимальной рациональности избирателей можно считать подтвержденным⁶⁰. И снова мы нуждаемся в прямых доказательствах, особенно в том, что касается прошедших выборов. Желают ли и могут ли избиратели сопоставлять ответы соперничающих кандидатов с вопросом а-что-вы-сделали-для-меня-раньше? Есть два недавних исследования, подтверждающих предположение о критически настроенных гражданах⁶¹.

Гипотеза I_2 о контроле со стороны граждан может быть результатом того, что теоретики в области гражданских прав и свобод, склонные переоценивать политическую ответственность обычных людей, принимают желательное за действительное. Им еще предстоит смириться с отношениями, существующими между развлекательными телевизионными программами и *непринужденностью* зрителей⁶². Нам необходим гораздо более глубокий анализ, чем тот, который предлагает Шадсон (Schudson 1998). Предположим, что исследователи имеют свободный доступ в места частного пользования, такие, как частная гостиная, автомобиль в дорожной пробке, и места общего пользования, такие, как поезда и залы спортивных клубов. Как они сумеют провести чёткое различие между контролирующим восприятием новостей и обсуждением новостей и неконтролирующими способами восприятия и обсуждения? Согласно предположениям ведущих политологов, стратификация примерно такова: около 50% граждан пассивно принимают к сведению политические новости, 25% вообще их не слушают и, в лучшем случае, 25% пытаются следить за ходом политических событий.

Гипотеза I_3 о гражданах, реагирующих на перманентную предвыборную кампанию, устраиваемую политиками и партиями, является хорошо проверенной. Одни исследователи считают, что эта реакция не оказывает существенного влияния на поддержку тех или иных партий и упрочение всей демократической системы в целом, другие считают иначе. Ван дер Эйк полагает, что предвыборная кампания во время так называемых выборов Фортуина в Нидерландах в 2002 г. — четвертых наиболее драматичных выборов в Европе с 1900 г⁶³. — сыграла важную позитивную роль в укреплении демократии. Не стоит и говорить, что мы нуждаемся в детальнейшем изучении роли самих перманентных предвыборных кампаний (убывающая рентабельность?); роли непостоянства и многосторонности электората в целом; и вклада в общее дело убеждений, предпочтений и итоговых решений как отдельных избирателей, так и их объединений.

60. Surowiecki J. The Wisdom of Crowds. New York: Random House, 2004.

61. Norris P. (Ed). Critical Citizens...; Dalton R. Democratic Challenges, Democratic Options...

62. Putnam R. Bowling Alone... P. 216–246, Norris P. Democratic Phoenix... P. 132–134.

63. После Италии в 1994 г., Германии в 1990 г., Франции в 1990 г. (Mair P. De eigenaardigheden van de Nederlanders // Beleid & Maatschappij. 2003. № 3, 29. P. 162). van der Eijk C. De verborgen effecten van verkiezingscampagnes // Coops R. et al. (eds.). Een politieke aardverschuiving. Alphen aan de Rijn: Kluwer, 2003. P. 63–73.

58. Bartolini St. The Political Mobilization of the European Left 1860–1980. Cambridge: University Press, 2000. P. 9–53, 401–501.

59. Manin B. On Legitimacy and Political Deliberation // Political Theory. 1987. № 15, 3. P. 338–368; Hirschman Al. A Propensity to Self-subversion. Cambridge: Harvard University Press, 1995. P. 77–84.

Гипотеза И₄ о реакции граждан на посреднический бизнес политической журналистики в мультимедийных программах (включая надоедливую журналистику) также хорошо проверена. Здесь, как и в предыдущем случае, между различными учеными существуют определенные разногласия о степени влияния (внимания прессы) этих эффектов на поддержку партий, поддержку демократии, непостоянство и многосторонность электората и убеждения, предпочтения и итоговые решения как отдельных избирателей, так и их определенных категорий.

Гипотеза И₅ о доверии избирателей и медиа-пользователей политикам и журналистам является составной частью целого вала литературы о роли доверия в функционировании общественных и политических институтов и национальных элит⁶⁴. Исчерпывается ли запас народного доверия? Кому больше доверяют — СМИ и журналистам или партиям и политикам? Является ли нехватка доверия нормальным условием повседневной жизни и отличительной чертой действующей аудиторной демократии? Или сейчас на кону стоит судьба необходимого минимума доверия? Почему в настоящее время недоверие становится нормой в столь многих странах и между столь большим количеством социальных групп? Способны ли политики и журналисты восстановить доверительный минимум, не прибегая к помощи антагонистических игр с нулевым исходом и не привлекая третьи партии⁶⁵?

Гипотеза И₆ о скрытой угрозе стихийного бунта зрителей до сих пор остается непроверенной. В последнее время количество исследований в этой области растет, что связано с усилением терроризма, популизма, радикализма, национализма, протекционизма, консерватизма и политики религиозной идентичности в стабильных западных демократических странах, что, в свою очередь, связано с переходом от периода политических страхов, начавшегося в 1989 г. (неолиберализм, третий путь социал-демократии, глобализация) к периоду политики устрашения (с 2001 г.)⁶⁶. И все же, по какой-то странной причине антиципации как инертных и опасных, так и ответственных политических лидеров, а также элит правящих партий и СМИ — продолжают оставаться недостаточно хорошо изученными.

64. Pharr S., Putnam R. (Eds). *Disaffected Democracies...*; Stolle D., Hooghe M. Review Article: Inaccurate, Exceptional, One-sided or Irrelevant? // *British Journal of Political Science*. 2004. № 35. P. 149–167.

65. В работе: Dekker P., Jelle van der Meer J. *Politiek vertrouwen 1997–2004* // TSS. December 2004 приводятся данные Евробарометра, которые показывают снижение народного доверия голландским партиям с 41% в конце 1997 г. до 28% в конце 2004 г.; голландские газеты фиксировали гораздо меньшее снижение (с 62% до 60%), а телевидение — с 75% до 68%.

66. Berman P. *Terror and Liberalism*. New York: Norton, 2003; Robin C. Fear. Oxford: University Press, 2004; Furedi F. *The Politics of Fear*. London: Continuum, 2005; Lukacs J. *Democracy and Populism...*; Runciman D. *The Politics of Good Intentions...* Однако согласно Монтескье, страх — отличительная черта автократии; в то время как аристократией движет честь, монархией — доблесть, а республиканской демократией — любовь к равноправию.

7. ИСТИНА В АУДИТОРНОЙ ДЕМОКРАТИИ КАК ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ И ТИП ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

Аудиторная демократия — это система, во многих отношениях основанная на процессах обработки информации. Если мы хотим выяснить её влияние на форму и качество государственной политики (правление), а также на жизнь и деятельность клиентов этой государственной политики (гражданственность), то мы должны начать с вопросов, касающихся искренности и чистосердечия политиков, журналистов и избирателей. На первый взгляд кажется, что аудиторная демократия значительно укрепляет весомость отдельного голоса: кто-то (политики, лидеры групп по интересам, журналисты) привлекает общественное внимание к важности индивидуального выбора, в то время как вы можете открыто заявлять некоторым партиям, что не последуете их призывам, а некоторым — что пойдёте за ними⁶⁷. Однако есть несколько затруднений. Одно из них я обсужу в этой части доклада, а другое — в заключительной.

Сегодня многие утверждают, что политиков можно наблюдать как сквозь стекло в теплицах. Камеры — повсюду. В современном культе достоверности и избобличительных дебатов, а также собраний, газетных сообщений и непубликуемых соображений считается, что информация должна доводиться до широкой общественности как можно подробнее и как можно быстрее. Прозрачность государственного правления является неотъемлемой частью новой идеологии, выражающей право граждан знать, что происходит, и оценивать — что представляет интерес. Предполагается, что политики в процессе использования политических средств (принуждение, сдерживание, регулирование, сбор налогов, выделение субсидий, поддержка национальной риторики) должны избегать секретности, запретов, хитрости и лжи. Госпожа «Большая ложь» ушла в небытие. Журналисты обсуждают политические вопросы, разоблачают, берут приступом правительственные бастионы и пишут комментарии. Как политики реагируют на эту недавно возникшую общественную тенденцию поиска и всесторонней обработки политической информации?

Я попробую провести разделительную черту между относительно безвредными и крайне тревожными методами подобной адаптации. К числу первых относятся бесконечные разговоры ни о чём и непрерывная демонстрация жизнерадостности во время публичных выступлений (как сказал поэт Оден: «Наши лица на виду — умные, красивые; а запрещаешь в кабинете — скучные, плаксивые») и дозирование информации (иногда фрагменты информации передаются строго определенным репортерам, иногда вся информация излагается одной единственной строкой, иногда в доступе к информации отказывается всем — как журналистам, так и отдельным

67. Kriesi H. *Collective Political Action in Liberal Democracies under Conditions of Mediatization and Globalization*. Paper. University of Zürich, Department of Political Science, May 2006.

гражданам). К числу вторых — деполитизация, введение политических табу, захват новостных СМИ и навязывание риторики национальной угрозы (и способов борьбы с нею).

Позвольте мне бегло охарактеризовать эти методы. *Деполитизация* означает, что политики лишают территорию риска целей, стремления к власти и отчётливого представления о будущем, чтобы внедрить свои методы контроля средствами государственного управления. Политик продолжает оставаться на стороне истины, выступая как администратор и эксперт, но при этом он делегирует ряд инициатив разветвленной сети не избираемых держателей власти, работающих в государственном аппарате и крупном бизнесе (виртуальная представительность в Баркеановском смысле). Во многих европейских странах ответ на азиатский вызов (Индия, Китай) и его роль в системе распределения рабочих мест и повышения общего благосостояния превратился в сугубо техническую процедуру. Деполитизация становится неприемлемой, когда или политическая проблема становится слишком горячей (чрезмерное замалчивание), как например вопрос о культурном плюрализме в западных государствах, начиная с 2001 г., или когда политик «держит лицо», в то время как его сподвижники творят незаконие в государственном секторе. Когда долгосрочные проекты и системные реформы терпят неудачу, политики стремятся сдерживать изобличительную информацию.

Табуирование проблем предполагает уклонение от вопросов, которые способны привести к распаду существующих партий, коалиций и связей между элитами, когда они (и потому что они) дебатированы открыто. В Соединенных Штатах существуют табу в отношении нефтяной и автомобильной промышленности, поскольку они затрагивают вопросы геополитики и охраны окружающей среды, а также в отношении внешней политики Израиля и крайне низкого качества экономической политики. Во Франции табу наложено на экономический либерализм и светскую модель образования. В Нидерландах давним табу является сегрегация, а из новых — протекционизм в отношении частных домов. Этот метод адаптации к гласности предполагает, что политики уклоняются от необходимости кривить душой, делая ставку на развитие событий малыми шагами, постепенное забывание проблемы и удачный поворот событий. Если игра идёт не так, то политик, которому нужно кое-как довести дело до конца, решается на еще большую ложь, что в конечном итоге становится поводом для атак со стороны его соперников (Блохер в Швейцарии, Фортейн в Нидерландах) и приводит к появлению нового поколения политиков, нацеленных на возобновление действий по этому вопросу.

Захват новостных программ предполагает, что журналисты соглашаются транслировать — на деле не соответствующие действительности — партийные определения того, что считать политическим успехом, а что — пора-

жением. Смотрящие, читающие, слушающие и общающиеся друг с другом избиратели начинают доверять пропагандируемому образу политической реальности и не могут выйти из состояния локального обсуждения «подогреваемых сплетен». Оппозиционным политикам бывает довольно трудно противостоять тем, кто захватил новостные программы; последних постоянно транслируют СМИ, и поэтому их сложно уличить в обмане. Наиболее яркими примерами партий, пытающихся захватить новостные программы, являются «Вперед, Италия» (через прямое экономическое владение) и лейбористская партия (через манипуляции и интриги). Отношения между республиканской партией Буша и телеканалом *Fox News*, возможно, относятся к примерам другого рода. Политик, постоянно присутствующий в медийном пространстве, тратит большую часть своего и без того ограниченного времени на саморекламу, используя немалые деньги лоббистов и богатых людей, а также средства государственного регулирования. Это приводит к увеличению незапланированных расходов и к всеобщему убеждению, что политик, постоянно присутствующий в медийном пространстве, склонен к тому, чтобы отождествлять свои фантазии с реальными целями государственной политики. В перспективе это может привести к недоверию и перевыборам, как, похоже, и случилось в Италии (поражение Берлускони от маргинального малоизвестного лидера)⁶⁸.

Навязывание национальной угрозы заключается в том, что политики, не имеющие достаточной поддержки для осуществления крупных политических изменений и препятствующие осуществлению этих изменений, когда эта инициатива исходит от их соперников, начинают намеренно искажать информацию, вводя в заблуждение народ, его региональных представителей и все имеющиеся правомочные организации (гражданские службы, местное самоуправление, промышленные отрасли и т. д.)⁶⁹. Возможно, наиболее убедительным из последних примеров является подготовка Бушем и Блэром вторжения в Ирак. Эти лидеры преувеличили цену пассивного бездействия в отношении «Багдадского мясника» (распространение оружия массового поражения, усиление Аль-Каиды, продолжение тирании и геноцида) и переоценили выгоды спасительной оккупации (малые потери среди солдат и мирных жителей, плюрализм в Ираке, региональная демократизация, прочный мир между Израилем и Палестиной, новый уровень доверия к ООН).

Сторонники ложной гипотезы исходили из теории правящего класса и утверждали, что Буш и Блэр с самого начала знали, что Саддам Хусейн не представляет военной угрозы. Они скрывали, что истинной причиной интервенции являлось стремление сохранить политическое влияние (нефть, перевыборы, христианство, военно-промышленный комплекс, отцовский комплекс). Теория аудиторной демократии утверждает, что пове-

68. См. анализ периода правления Берлускони в: Ginsborg P., Jones T., Lane D., Stille A.
69. Lowi Th. *The End of Liberalism*. New York: Norton, 1969. P. 174–186.

дение этих политиков легче объяснить исходя из общей проблемы оправдания всеобщего признания правомерности этических войн в высокоразвитых демократиях, ведущихся с участием профессиональной прессы, которая апеллирует к широкой публике и призывает нацию к миру и процветанию, замещая колониализм всеобщим признанием превосходства западных стран и их правом на приоритетное суждение в эпоху глобализации⁷⁰. Похоже, что и те, и другие пытаются использовать политику устрашения: одни — ссылками на парниковый эффект и вошедших в поговорку «польских сантехников» (европейский неолиберализм); другие — ссылками на угрозу террора и выгоды государственного корпоративизма.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ИНТЕРАКТИВНЫЙ КОНСЕНСУС ИЛИ СТАБИЛЬНОСТЬ АУДИТОРНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Позвольте мне вернуться к началу сообщения. Почему реформы по изменению государственной политики в высокоразвитых демократиях вызывают такую сильную тревогу и приводят к нестабильности? Ведь были случаи, когда такие реформы проходили относительно спокойно, как, например, в период реконструкции после Второй мировой войны. Я могу представить ряд альтернативных объяснений, никак не затрагивающих эффект военной солидаризации.

Во-первых, нынешние реформы представляются более радикальными, чем реформы 1940-х и 1950-х гг. Во-вторых, тогда партийная демократия была стабильной, в то время как сейчас западные политики находятся в процессе перехода к развитой аудиторной демократии (нехватка навыков). В-третьих, партийная демократия может перестать быть типовой в своем совмещении функций предотвращения массовых психозов и роста влияния социальных элит (и парламентская, и аудиторная демократии порождают высокий уровень нестабильности). В-четвертых, взаимодействие между политиками, избирателями и журналистами не создаёт прочного равновесия. И последнее, такое взаимодействие рождает недостаточно оптимальное равновесие.

В более ранних работах я пытался разъяснить правила игры, действующие в развитой аудиторной демократии⁷¹. Первый принцип правления — это выстраивание *защиты широко известных общественных фаворитов* или их перегруппировка посредством вознаграждения неудачников.

Второй принцип — это формирование *интерактивного консенсуса*, то есть освещение заявлений влиятельных политических деятелей через перекрестное обсуждение в ходе дискуссии. Такой органичный горизонтальный

консенсус заменяет патерналистский консенсус парламентской демократии по принципу «сверху вниз» (девятнадцатое столетие) и корпоративистский консенсус партийной демократии по принципу «снизу вверх» (двадцатое столетие). Власть меньшинства и власть большинства замещаются в аудиторной демократии властью каждого над каждым.

Третий принцип — это пошаговое урегулирование системных конфликтов (и в меньшей степени дистрибутивных или категориальных конфликтов) посредством *процесса уклонения от конфликтов и взаимного приспособления*. Одноразовые системные изменения заменяются непрерывным процессом перестройки корабля в открытом море.

Последний принцип — это *чувствительность к малым кризисам*, благодаря чему предвидения грядущих катастроф (тревожные сценарии) сами себя обесценивают. Эпоха глобальных, апокалипсических кризисов ушла в прошлое; началась эпоха периодических кризисов в секторе государственной политики.

Похоже, что эти правила игры по-прежнему работают. Неожиданным образом, они прекрасно работают в особых обстоятельствах (вспоминается «Голландское чудо» роста трудовой занятости в 1990-х гг.). Они удовлетворяют требованию минимальной демократии. Они более или менее узнаваемы в глазах граждан европейских содружественных демократий, таких, как Нидерланды и Швейцария. Если правящие партии больше не могут соблюдать обозначенные выше принципы, они переизбираются. Если они пренебрегают ими, то какой-нибудь следующий напористый претендент взвинчивает зрительский азарт и захватывает власть — будь то старая оппозиционная партия (Буш в 2000 г., Запато — в 2004) или новая (Берлускони в 2001 г., Фортейн — в 2002 г.).

Однако есть одна фундаментальная проблема. Интерактивный консенсус является консервативным механизмом, который постепенно подтачивает дееспособность государства и прогресс гражданского общества. Ахиллесовой пятой аудиторной демократии является не поверхностный политик как предполагаемый актер, не агрессивный журналист как рецензент, и не капризный избиратель как зритель, а то, что их совместные действия приводят к институциональному и культурному застою. Тот факт, что сегодня некоторые страны стремятся не столько к преодолению проблем, сколько к уходу от них (Франция, Германия, Италия), а другие при встрече с проблемой прибегают к стратегии массового обмана (Великобритания, Соединенные Штаты, Европейский Союз с середины 1980-х), указывает на то, что сама по себе аудиторная демократия не имеет механизмов практического решения этих проблем.

Перевод с английского Константина Иванова

70. Fukuyama Fr. After the Neocons. London: Profile Books, 2006. P. 66–94.

71. Jos de Beus. Een primaat van politiek. Amsterdam: University Press, June 2001 (торжественная речь). См. также: Jos de Beus. Na de beeldenstorm. Amsterdam: Balans, 2002 (об эффекте Фортейна).